

ОБЗОРЫ

Погружение в историю военного времени

Пьер МАРИИО¹

МОЙ ОПЫТ ВОЙНЫ. ДЕТСТВО В ОККУПИРОВАННОЙ ЛА-РОШЕЛИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

¹ доктор лингвистики, ассоциированный исследователь,
Университет Тулузы им. Жана Жореса (Франция)
p.marillaud.cals@orange.fr

Переводчик с французского:

Наталья Николаевна Белозёрова²

² доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет
natnicbel@gmail.com

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-2-168-206

Le 23 juin 1940 : l'arrivée des Allemands à La Rochelle

L'alerte aérienne à laquelle j'ai fait allusion dans l'épisode précédent se déroula sans doute le 16 ou le 17 juin. Depuis cette alerte les gens de ma famille qui vivaient à la maison, les employés qui venaient y travailler, les

23 июня 1940 г.: прибытие немцев в Ла-Рошель

Воздушная тревога, о которой я говорил в предыдущем эпизоде, вероятно, имела место 16 или 17 июня. Начиная с этого момента, все обитатели нашего дома, покупатели в книжном магазине,

* Данная статья является продолжением обзора, опубликованного в 1-м номере журнала «Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates» за 2020 г.

clients qui venaient y acheter des livres, du papier, ou commander des imprimés parlaient tous d'un paquebot, qui fut célèbre en son temps, le *Champlain* (il avait battu en 1932 le record de la traversée Europe — New York en 6 jours 16 heures 20 minutes). Les ouvriers de l'imprimerie, que parfois j'allais voir travailler, racontèrent que le *Champlain* avait sauté sur une des mines magnétiques que l'aviation allemande avait lancées dans la rade pendant l'alerte, et qu'il était échoué au large de Sablanceau, le petit hameau du Sud de l'île de Ré, juste en face de La Pallice, où arrivait le bac qui faisait la liaison avec l'île. Tous les Rochelais connaissaient Sablanceau où ils venaient souvent pique-niquer et se baigner. Après la guerre la cheminée, le mât principal et la partie tribord de la timonerie du bateau émergeaient encore et, lorsque nous nous engageions en bateau soit dans le pertuis d'Antioche pour gagner l'île d'Oléron, soit dans le pertuis Breton pour gagner le nord de l'île de Ré, ces silhouettes des quelques superstructures rouillées et émergées du paquebot m'étaient devenues très familières, car l'épave du *Champlain* ne fut découpée qu'en 1960 !

Ce bateau, qui avait été réquisitionné mais était désormais inutilisable, fut le sujet principal des conversations des Rochelais lors de ces journées de juin. Il aurait dû jouer un rôle très important, un rôle qui aurait pu être historique, quand il fut coulé. En effet il avait embarqué en Bretagne, au port de Saint-Nazaire, le 12 juin,

работные типографии и переплетной мастерской только и говорили об океанском лайнере «Шамплейн». Этот лайнер был известен во всем мире. В 1932 г. он побил рекорд, когда пересек Атлантический океан от Европы до Нью-Йорка за 6 дней 16 часов 20 минут. Печатники, на работу которых я время от времени приходил посмотреть, говорили, что «Шамплейн» наскочил на одну из магнитных мин, которые немецкая авиация сбросила в гавань во время рейда. Получив большие повреждения, лайнер сел на мель возле Саблансо, небольшой деревушки на юге острова Иль-де-Ре, прямо напротив Ла-Паллиса, торгового порта Ла-Рошели, где была паромная переправа, связывающая город с островом. Все жители Ла-Рошели знали Саблансо, куда они часто ездили устраивать пикники и купаться. После войны труба, главная мачта и правая часть рулевой рубки лайнера еще долго виднелись, когда мы проплывали либо через пролив Антьош в сторону острова Олерон, либо через пролив Бретон на север от острова Иль-де-Ре. В моей памяти запечатлелись силуэты верхней палубы «Шамплейна», поскольку только в 1960 г. остов подорвавшегося на mine океанского лайнера был разрезан.

В те июньские дни это судно, на которое возлагались большие надежды, после подрыва на mine ставшее непригодным для использования, было главной темой разговоров жителей Ла-Рошели. Лайнер должен был сыграть очень важную роль, которая могла быть исторической, если бы не подрыв

des personnalités politiques et intellectuelles, dont l'écrivain Vladimir Nabokov, son épouse Vera et son fils Vladimir. Mais l'embarquement fut interrompu par une alerte aérienne, et les autorités craignant que le paquebot d'une taille importante soit touché et obstrue l'entrée du port, prièrent son capitaine de lever l'ancre. Ce dernier mit le cap sur La Pallice, le port industriel de La Rochelle, où il devait prendre à son bord deux ou trois jours plus tard les personnalités qui n'avaient pu être embarquées à Saint-Nazaire. Parmi ces personnalités, qui jouaient ou jouèrent plus tard un rôle politique, se trouvaient le Président du Conseil démissionnaire Edouard Daladier — il avait signé les accords de Munich en 1938, et déclaré la guerre à l'Allemagne en 1939 —, Pierre Mendès France, Georges Mandel (qui sera assassiné par la police de Vichy), le Ministre de l'Instruction Publique Jean Zay (qui sera assassiné par la Milice de Pétain), Edgard Pisani (qui sera bien plus tard Ministre de l'agriculture), et bien d'autres. N'ayant pu embarquer sur le *Champlain*, ces personnalités gagneront le port du Verdon à l'entrée de l'estuaire de la Gironde et monteront à bord du paquebot *Massilia* qui, après avoir contourné l'Espagne, les débarqua au Maroc, à Casablanca.

на mine. В действительности он был пришвартован в Бретани, в порту Сен-Назер. 12 июня на его борт должны были подняться несколько политических деятелей, а также представителей интеллектуальной элиты, включая писателя Владимира Набокова, его жену Веру и его сына Владимира. Но посадка была прервана воздушной тревогой, и власти, опасаясь, что большой лайнер, если в него попадет бомба, заблокирует вход в порт, попросили капитана поднять якорь. Лайнер отплыл в Ла-Паллис, промышленный порт Ла-Рошели, где через два или три дня ему предстояло принять на борт лиц, которых не смогли взять на борт в Сен-Назере. Среди тех личностей, которые тогда или позже играли политическую роль, были: действующий премьер-министр Эдуар Даладьё (который подписал Мюнхенское соглашение в 1938 г. и объявил войну Германии в 1939 г.), будущий президент Совета министров Пьер Мендес-Франц, журналист и политик Жорж Мандель (который в 1944 г. будет убит приспешниками Виши), министр народного образования Жан Зе (который будет убит милицией Петена), Эдгар Пизани (который будет намного позже министром сельского хозяйства) и многие другие. Все они после подрыва лайнера «Шамплейн» уже в порту Вердон, у входа в устье Жиронды, сядут на океанский лайнер «Массилия», который, обойдя Испанию, высадит их в Марокко, в Касабланке.

Bien sûr, cher lecteur, ces informations complètent mes souvenirs et je pense qu'il est important de les donner car la mésaventure du *Champlain* fut le dernier signe avant-coureur de l'arrivée des Allemands à La Rochelle. En outre le nom de ce paquebot est dans ma mémoire tant je l'entendis souvent être prononcé, même après la guerre. Outre les 180 personnes embarquées à Saint-Nazaire, il transportait 30 avions de chasse *Curtiss H-75* (qui pouvaient atteindre la vitesse de 500 km/heure) et 3 000 tonnes de cuivre. Or les malheurs du *Champlain* n'étaient pas terminés car le 21 juin, la veille de la signature de l'armistice, un sous-marin allemand qui rodait le long de nos côtes, le torpilla pour empêcher son renflouement, car les dégâts qu'avaient faits la mine magnétique ne l'avaient pas rendu irrécupérable.

Même enfant de 6 ans, je percevais l'atmosphère lourde qui régnait chez moi ce samedi 22 juin que j'ai évoqué à la fin du précédent chapitre : ma mère parlait d'une France désormais coupée en deux : d'une part la zone occupée qui comprenait le nord, la région parisienne et toute la côte atlantique, d'autre part la zone libre, qui comprenait le centre et le sud, placée sous la responsabilité de Pétain. Mon grand-père, qui s'était battu au « Chemin des Dames » (350 000 morts) en 1917 parlait de la trahison de « ce salaud de Pétain » qu'il n'avait jamais aimé et à qui il n'avait pas pardonné les exécutions

Конечно, дорогой читатель, эта информация только дополняет мои воспоминания, поскольку в шесть лет я не мог всё это знать. Уместность ее, я думаю, обусловлена тем, что подрыв на mine «Шамплейна» был последним предвестником появления немцев в Ла-Рошели. Кроме того, название этого лайнера застряло у меня в памяти, т. к. я часто слышал его, даже после войны. Помимо 180 человек, находящихся на борту в Сен-Назере, он перевозил 30 истребителей «Кёртис» H-75, которые могли развивать скорость до 500 км/ч, и 3 000 тонн меди. Однако подрывом на mine злоключения «Шамплейна» не закончились, потому что 21 июня, за день до подписания перемирия, немецкая подводная лодка, которая плыла вдоль наших берегов, торпедировала сидящий на мели лайнер, чтобы предотвратить его спасение, потому что ущерб, нанесенный магнитной миной, можно было легко ликвидировать.

Даже будучи 6-летним ребенком, я чувствовал тяжелую атмосферу, которая царилла дома в ту субботу, 22 июня, о которой я упоминал в конце предыдущей главы. Моя мать говорила о Франции, которая теперь была разделена на две части: с одной стороны — оккупированная зона, которая включала север страны, район Парижа и всё Атлантическое побережье, с другой стороны — свободная зона, которая включала центр и юг и которая была передана под ответственность маршала Петена. Мой дедушка, который в 1917 г. участвовал в битве на

sommaires de près de 500 soldats français mutinés. Je me souviens qu'avec ma mère, il écoutait la radio avec la plus grande attention, et si les Allemands n'étaient par encore dans notre ville, la présence de leur sous-marin, un U-65 type IX-B, prouvait qu'ils étaient déjà maîtres de son espace maritime.

Le dimanche matin 23 juin j'étais avec mon grand-père et mon frère dans notre salon ; je jouais avec mon train électrique. Ma mère, ma grand-mère et Paulette, la jeune bonne rousse, étaient dans la salle à manger et la cuisine occupées à diverses tâches. Ma grand-mère se préparait pour aller à la messe de la grande cathédrale donnant sur la Place d'Armes. Soudain les vitres du salon, comme elles le faisaient chaque fois qu'un gros camion passait dans notre rue, se mirent à vibrer mais le bruit que faisait le véhicule cause de ce vacarme n'avait rien de commun avec celui des camions. C'était un bruit composé à la fois de cliquetis très secs, combinés avec des ronflements de moteurs et des frottement de chenilles sur le goudron. Me mettant à la fenêtre avec mon grand-père, je revois la silhouette d'un officier habillé de noir émergeant de la tourelle d'un énorme char-tigre sur les côtés duquel étaient peints les insignes de l'armée allemande. Le char était précédé de trois motocyclistes avec

«Дамской тропе» (Chemin des Dames), унесшей 350 000 жизней в 1917 г., говорил о предательстве «этого ублюдка Петена», которого он никогда не любил за то, что тот не помиловал и обрек на казнь почти 500 мятежных французских солдат. Я помню, что он вместе с моей мамой слушал внимательно радио. Дедушка говорил, что хотя немцы еще не были в нашем городе, присутствие их подводной лодки U-65 типа IX-B доказывало, что «они уже были хозяевами нашего морского пространства».

Воскресным утром 23 июня я был со своим дедом и братом в нашей гостиной. Я играл со своей электрической железной дорогой. Моя мама, моя бабушка и Полетт, молодая рыжая бонна, занимались своими делами в столовой и на кухне. Моя бабушка собиралась на мессу в большом соборе с видом на Плас д'Арм (Оружейную площадь). Внезапно окна гостиной, как и каждый раз, когда мимо нас проезжал большой грузовик, начали вибрировать, но шум от проезжавшего транспортного средства не имел ничего общего с шумом грузовиков. Это был шум, образованный как из очень сухого дребезжания, так и из гудения двигателей и шуршания гусениц по асфальту. Встав перед окном рядом с дедом, я вижу силуэт офицера в черном, вылезавшего из башни огромного танка, по бокам которого были нарисованы эмблемы немецкой армии. Перед танком катились три мотоцикла с колясками, каждый

side-car équipés chacun d'un fusil-mitrailleur. Ce convoi gris-vert et noir se dirigeait vers la mairie qui était située à environ 200 mètres de notre maison. Notre rue, habituellement très fréquentée car très commerçante, était déserte, des gens installés aux quelques rares fenêtres ouvertes regardaient comme nous ce défilé sinistre. Mon grand-père ne disait rien mais il y avait sur son visage une expression où se mélangeaient la tristesse et la colère. Ma mère lui disait de fermer la fenêtre et de ne pas se montrer mais il ne l'écoutait pas.

La Mairie de La Rochelle est un magnifique monument de la Renaissance sur lequel j'avais vue depuis la fenêtre de ma chambre, mais les volets fermés m'empêchèrent de me faire la moindre idée de ce qui s'y passa dans l'après-midi de ce triste dimanche. Or il s'y déroula un événement qui resta gravé dans la mémoire de tous les Rochelais vivants à cette époque.

Bien avant de l'avoir lue dans les livres qui relatent l'histoire de ma ville, l'anecdote de la montée du drapeau allemand au mât de notre bâtiment municipal me fut racontée très peu de temps après qu'elle se fût réalisée. En effet, le char que j'avais vu passer le matin avait pris position sur la place face à la mairie et parallèlement à la Grande poste. Au début de l'après-midi un jeune officier allemand vint demander au Maire, Monsieur Léonce Vieljeux, un armateur protestant très apprécié de la population, de bien vouloir amener le drapeau français qui flottait encore en haut du mât de l'hôtel de ville, pour y monter le drapeau allemand. Le maire, qui avait

из которых был оснащен пулеметом. Этот серо-зеленый и черный конвой направился к ратуше, которая находилась в 200 метрах от нашего дома. Наша улица, обычно очень оживленная, поскольку там было много магазинов, опустела, редкие окна были открыты, и редкие зрители наблюдали из них за конвоем. Это был зловещий парад. Мой дедушка молчал, его лицо выражало одновременно грусть и гнев. Моя мама велела ему закрыть окно и не выглядывать, но он ее не слушал.

Мэрия Ла-Рошели — это великолепный памятник эпохи Возрождения, который был виден из окна моей комнаты, но закрытые ставни не позволили мне тогда узнать, что произошло на площади перед мэрией в то печальное воскресенье. То, что произошло там, запечатлелось в памяти всех тогдашних ларошельцев.

Задолго до того, как я прочитал об этом в книгах по истории моего города, об эпизоде поднятия немецкого флага на флагштоке нашей мэрии мне было рассказано вскоре после того, как это произошло. Действительно, конвой из мотоциклов и танка, который я видел утром на нашей улице, занял позицию на площади напротив мэрии параллельно почтамту. Сразу после двенадцати молодой немецкий офицер отправился к мэру Ла-Рошели, меся Леонсу Вьельё, судовладельцу и протестанту, который пользовался большим уважением у населения. Офицер потребовал от мэра проявить любезность и принести французский

revêtu son uniforme de colonel, répondit au traducteur :

— Dites à cet officier que je suis, moi, colonel dans l'armée française, que je suis maire d'une grande ville, que mon honneur d'officier et ma dignité m'interdisent de discuter avec un subalterne, même s'il appartient à une armée victorieuse, et que je n'exécuterai des ordres que s'ils émanent d'un officier allemand ayant au moins un grade égal au mien.

Le jeune officier allemand repartit et c'est un colonel de la Wehrmacht qui vint réitérer la demande concernant l'amenée du drapeau français. Le maire s'exécuta mais cet acte de courage et ses actes de résistance qui suivront, lui vaudront d'être destitué de ses fonctions le 17 juin 1941. Il sera arrêté par la gestapo le 14 mars 1944 et déporté avec 105 résistants du réseau Alliance au camp de Natzwiller-Struthof : tous seront exécutés à la mitrailleuse, dans le dos, par les SS dans la nuit du 1er au 2 septembre 1944.

Lors de ce premier jour de l'occupation de ma ville par l'armée allemande, nous n'avions plus, depuis un certain temps déjà, de nouvelles de mon père. Ma mère discutait beaucoup avec ma grand-mère et avec une vendeuse du magasin qui était venue en fin d'après midi raconter ce qu'elle avait vu. La phrase qu'elle prononça dès qu'elle fut entrée en s'adressant à

флаг, который всё еще развевался на мачте мэрии. Вместо него будет поднят немецкий флаг. Мэр, который надел форму полковника, ответил переводчику:

— Скажите этому офицеру, что я полковник французской армии, что я мэр большого города, что моя честь как офицера и мое достоинство запрещают мне обсуждать что-либо с низшим по званию, даже если он принадлежит к победоносной армии, и что я буду выполнять приказы, только если они исходят от немецкого офицера, имеющего по крайней мере звание, равное моему.

Молодой немецкий офицер ушел, после пришел полковник из Вермахта и повторил требование о спуске французского флага. Мэр подчинился, но этот акт мужества и последовавшие за ним акты сопротивления 17 июня 1941 г. привели его к отставке. Он был арестован гестапо 14 марта 1944 г. и отправлен со 105 другими членами сопротивления сети Альянса в лагерь Нацивейлер-Штрутгоф. Там все и были казнены: офицеры СС расстреляли их в спину из пулемета в ночь с 1 на 2 сентября 1944 г.

С начала первого дня оккупации моего города немецкой армией мы какое-то время не получали никаких новостей от моего отца. Мама что-то много обсуждала с моей бабушкой и с продавщицей, которая пришла поздно вечером, чтобы рассказать, что она видела. Фраза, которую продавщица сказала моей матери, как только она вошла: «Мадам,

ma mère, « Madame, il y a des Allemands partout », me fit un drôle d'effet. Je sentais qu'il se passait des choses très graves. J'aurais voulu regarder par la fenêtre mais les volets toujours fermés m'obligeaient à imaginer des scènes à partir des bruits de motos et de camions qui empruntaient notre rue.

Jusqu'à cette lugubre journée, l'avance allemande ne se percevait que par les bulletins des informations de la T.S.F. que les adultes écoutaient très régulièrement et commentaient. De ce fait la guerre me paraissait lointaine. Après la première alerte et le torpillage du *Champlain*, elle s'était singulièrement rapprochée, mais je ne pensais pas qu'elle viendrait jusque dans ma rue. Or ils étaient là, ceux que mon grand-père appelait « les boches ». Parmi les propos que j'entendais, celui que ma mère tint à la vendeuse me donna sans doute une première idée de ce que l'on pourrait appeler un « acte de résistance » :

— Demain, Madame P. nous ouvrirons le magasin comme d'habitude, mais il n'est pas questions que nous servions des soldats allemands.

Le lendemain matin, juste après l'ouverture du magasin, le premier client qui se présenta fut un soldat allemand venant acheter du papier à lettre... !

Les premiers temps de l'occupation

Je voudrais insister sur ce fait que dans ma mémoire se mélangent les choses que j'ai vues, celles qu'on m'a dites et celles que j'ai senties car la guerre c'était l'affaire des adultes mais même

немцы повсюду», озадачила меня. Я чувствовал, что происходят очень серьезные вещи. Мне очень хотелось выглянуть в окно, но все ставни еще были закрыты, и это заставило меня воображать сцены, основанные на звуках мотоциклов и грузовиков, едущих по нашей улице.

До этого мрачного дня продвижение немцев по Франции воспринималось только через новостные сводки радио T.S.F., которые взрослые регулярно слушали и комментировали. В результате война казалась мне далекой. После первой воздушной тревоги и торпедирования «Шамплейна» война подошла необычайно близко, но я не думал, что она придет на мою улицу. Теперь они были там, те, кого мой дед называл «бошами». Среди слов, услышанных мной, были такие, которые моя мать сказала продавщице (они, вероятно, и дали мне первое представление о том, что мы могли бы назвать «актом сопротивления»):

— Завтра, мадам П., мы откроем магазин как обычно, но нет никаких сомнений, что мы будем обслуживать немецких солдат.

На следующее утро, сразу после открытия магазина, первым посетителем был немецкий солдат, который пришел, чтобы купить бумагу для писем!..

Первые дни оккупации

Я бы хотел подчеркнуть, что в моей памяти смешалось то, что я видел, то, что мне говорили, и то, что я чувствовал, потому что война была делом взрослых, но даже то, что я

ce que je ne pouvais ni voir ni vraiment comprendre je le sentais, je le devinais. Ainsi je n'ai pas assisté à l'ouverture du magasin le lundi 24 juin, lendemain de la sinistre grande marée allemande arrivée par vagues sur La Rochelle — où pour une fois la marée venait de l'Est ! — , mais dès que je fus réveillé et après ma toilette exécutée par la main très dynamique de Paulette, j'ai pu entendre les mots des « grandes personnes » et mon esprit construisait des histoires à partir de ces mots, des histoires qui restaient distinctes, séparées de la grande Histoire de la guerre, mais qu'il appréhendait vaguement au fur et à mesure que celle-ci était devenue incontournable.

Ainsi, ce lundi 24 juin, à peine le rideau métallique venait-il d'être remonté et la porte de la librairie ouverte, qu'un soldat allemand rentra. Ma mère resta comme figée, à ce que me raconta Mme P. Cette dernière se déplaça derrière le comptoir pour arriver à la hauteur de ce nouveau client et lui demanda ce qu'il désirait. Il expliqua dans un français approximatif qu'il voulait du papier à lettre pour écrire à sa famille qui habitait près de Hambourg. Son comportement était plutôt sympathique ; il choisit une boîte de papier bleu pâle et après avoir payé en argent français, il gagna la porte, mais avant de l'avoir atteinte il s'arrêta, se retourna en disant « La Rochelle, sehr schön ». Il avait l'air plutôt satisfait

не мог ни увидеть, ни по-настоящему понять, я чувствовал, я догадывался. На самом деле я не присутствовал на открытии магазина в понедельник, 24 июня, на следующий день после того, как Ла-Рошель накрыла зловещая немецкая волна — девятибалльный шторм накрыл город не с Атлантики, как обычно, а с Востока! — в тот день, как только я проснулся и после того как Полетт быстро умыла и причесала меня, я прислушивался к словам «взрослых людей», и мой разум выстраивал истории из этих слов, истории, которые отчетливо закрепились в моей памяти. Эти истории были далеки от великой истории войны, которую разум 6-летнего мальчика вначале воспринимал смутно, но со временем они обрели всё более четкие очертания.

Как читатель уже знает, в тот понедельник, 24 июня, едва поднялись металлические жалюзи и дверь книжного магазина открылась, вошел немецкий солдат. Моя мама, как сказала мне позже мадам П., застыла и не шевелилась. Мадам П. подошла к прилавку, чтобы обслужить клиента и спросила его, что он хочет приобрести. Он объяснил на ломаном французском языке, что он хочет написать письмо домой. Его семья живет недалеко от Гамбурга. Он вел себя вполне прилично: выбрал коробку с бледно-голубой писчей бумагой, расплатился франками, почти достиг двери, но, не дойдя до нее, остановился, обернулся и сказал: «La Rochelle, sehr

d'être là, au bord de l'Atlantique, c'est-à-dire à la limite des terres à conquérir pour un Germain... En somme, ce premier occupant avait réagi en touriste, sans prendre l'air supérieur d'un vainqueur. Il venait d'avoir une attitude qui justifiait la phrase qui allait être prononcée et répétée par une multitude de françaises et de français pendant des années : « Les soldats allemands sont très corrects ». Ma mère n'alla pas jusqu'à tenir ce propos, mais, après avoir remercié Mme P. d'avoir servi l'Allemand, elle ajouta « C'est vrai qu'il s'est bien conduit ». Qui pouvait imaginer à cette époque que le peuple allemand était commandé par un fou qui allait demander à ses sbires d'accomplir des horreurs qu'aucune autre nation n'avait accomplies avant lui, et ce depuis l'Antiquité, même si le bilan des innombrables cruautés humaines accompagne sans cesse l'évolution de notre espèce.

Ce matin-là le contremaître, M. B., qui travaillait toujours en blouse blanche, se tenait comme d'habitude à l'atelier de reliure où se trouvaient un massicot et des machines perceuses etagrafeuses. C'était un immense atelier dont les murs supportaient des étagères couvertes de rames de papier de toutes les couleurs et de toutes les

schön»¹. Он казался весьма довольным своим пребыванием в нашем городе, на краю Атлантики, т. е. на границе земель, которые должны быть завоеваны для германцев... Короче говоря, этот первый оккупант вел себя как обыкновенный турист, без демонстрации превосходства победителя. Его поведение, казалось, оправдывало высказывание, которое произносили и повторяли множество французов и французов в течение ряда лет: «Немецкие солдаты весьма учтивы». Моя мама не зашла так далеко, чтобы произнести это, но, поблагодарив мадам П. за то, что та обслужила немца, добавила: «Действительно, он вел себя хорошо». Кто мог вообразить в то время, что немецким народом командовал сумасшедший, который потребует от своих приспешников, чтобы они совершали ужасы, подобных которым до них со времен античности не совершал ни один другой народ, даже если учесть, что свершение бесчисленных человеческих жестокостей постоянно сопровождает эволюцию нашего вида.

В то утро бригадир, месье Б., который всегда работал в белом блузоне, находился, как обычно, в переплетной мастерской, где стоял большой резак и сверлильно-сшивающие станки. Это была огромная мастерская, вдоль стен которой тянулись стеллажи с пачками бумаги всех цветов и любой толщины.

¹ «Ла-Рошель, очень красиво». — Нем.

épaisseurs. L'imprimerie se trouvait au rez de chaussée avec trois machines dont deux étaient allemandes... ! M. B parlait avec un des typographes. Après avoir pris le petit déjeuner que m'avait servi Paulette, descendant du premier étage pour aller embrasser « ma maman » au magasin, je me suis arrêté sur le palier intermédiaire pour écouter ce que racontait, en faisant de grands gestes, le contremaître au typographe :

— Sur la partie de la Place d'Armes qui longe le parc, les allemands ont monté des tentes et garé des camions à côté de l'arrêt des autobus, face à la cathédrale. Ils sont très nombreux. Ils ont des pièces d'artillerie lourde. Ils ont donné l'ordre à tous les habitants détenant des armes de les porter à la mairie et annoncé le couvre-feu de 23 h à 6 h.

Ces informations étaient importantes pour le bambin que j'étais, car cela voulait dire que si mon grand-père me conduisait au lycée, ou si Paulette nous emmenait, mon petit frère en poussette, et moi, au parc où nous avions l'habitude d'aller car il s'y trouvait une piscine pour les enfants, je verrais donc tous ces soldats, leurs tanks et leurs canons, et bien qu'il s'agisse d'une armée ennemie, cela m'intéressait. Malheureusement ce jour-là ma mère ordonna que nous restions à la maison. Elle n'était visiblement pas tranquille. On parle beaucoup de confinement aujourd'hui pour lutter contre le coronavirus, mais les périodes de guerre sont très souvent des périodes de confinement pour les enfants !

Типография находилась на первом этаже. Там постоянно стучали три станка, два из которых были немецкими!.. Месье Б. разговаривал с одним из типографов. Проглотив завтрак, я направился вниз, в магазин, чтобы поцеловать маму. Я остановился на площадке между лестничными пролетами и прислушался. Бригадир, жестикулируя, рассказывал печатнику:

— На той части Оружейной площади, которая прилетает к парку, немцы разбили палатки, а также припарковали грузовики возле автобусной остановки напротив собора. Их очень много. У них есть тяжелые артиллерийские орудия. Они приказали всем жителям, у кого есть оружие, сдать его в мэрию, и объявили комендантский час с 11 часов вечера до 6 часов утра.

Эта информация имела большое значение для малыша, которым я был тогда, потому что это означало, что если мой дедушка поведет меня в лицей или если Полетт поведет нас, моего младшего брата в коляске и меня, в парк, где мы обычно гуляли, потому что там был детский бассейн, то я смогу увидеть всех этих солдат, их танки и их пушки. Хотя это была и вражеская армия, всё это было мне интересно. К моему сожалению, в тот день мама приказала нам остаться дома. Она была явно всем этим обеспокоена. Сегодня мы много говорим о самоизоляции для борьбы с коронавирусом, но времена войны очень часто являются периодами изоляции для детей!

Après être remonté du magasin je me mis à la fenêtre de ma chambre et je vis marcher sur le trottoir d'en face deux soldats allemands qui s'arrêtèrent pour regarder la vitrine de la modiste dont le magasin faisait face au nôtre. Les chapeaux de femme intéressaient ces deux soldats. Moi, ce qui m'intéressait c'était leurs baïonnettes sur lesquelles mes yeux se fixèrent en premier. Ces espèces de couteaux plats accrochés à leurs ceinturons me fascinaient. Je signale que je ne suis pas un passionné des couteaux mais l'images des baïonnettes de ces deux soldats s'est définitivement gravée dans ma mémoire. Quant à la couleur gris-vert de leurs costumes je m'y suis habitué au point qu'au bout de quelques mois, je n'y portais plus attention.

En ce qui nous concernait, mon frère et moi, la vie reprit presque comme avant l'arrivée des occupants, mais à bien des signes je comprenais que les choses changeaient. D'abord tous les panneaux de signalisation devinrent bilingues, et c'est ainsi que je découvris les caractères gothiques. Lorsque nous passions sur la Place d'Armes (dite encore Place de Verdun) on voyait souvent sortir de l'hôtel *Des Colonnes* des officiers mais aussi des civils allemands habillés de cuir noir qui avaient souvent des visages sévères, et même inquiétants. Cet hôtel était occupé par les SS. Ma mère craignait beaucoup qu'on nous réquisitionnât une partie de la maison pour loger des officiers allemands, mais heureusement nous échappâmes à cette contrainte. Beaucoup de Rochelais

Поднявшись из магазина в свою комнату, я встал у окна и увидел двух немецких солдат, которые шли по тротуару на противоположной стороне улицы. Они остановились, чтобы рассмотреть витрину шляпного магазина как раз напротив нас. Этим двух солдат интересовали женские шляпки. Меня же интересовали их штыки, на которые я прежде всего и устремил свой взор. Эти плоские ножи, висевшие на поясах солдат, зачаровали меня. Отмечу, что у меня нет страсти к холодному оружию, но образы штыков у этих двух солдат определенно запечатлелись в моей памяти. Что касается серо-зеленого цвета их униформы, то я к нему скоро привык и через несколько месяцев больше не обращал на него внимания.

Что касается нас с братом, то скоро мы возобновили жизнь почти такую же, как и до прибытия оккупантов, но по многим признакам я понял, что всё меняется. Сначала все вывески стали двуязычными, и именно так я познакомился с готическим шрифтом. Когда мы проходили мимо Оружейной площади (также известной как площадь Верден), мы часто видели, как офицеры выходили из отеля «Колонны» (*Des Colonnes*), а также видели немцев в гражданском, одетых в черные кожаные плащи, чьи лица были одновременно озабоченными и суровыми. Этот отель был занят эсэсовцами. Моя мама очень боялась, что часть дома будет реквизирована для размещения немецких офицеров, но, к счастью,

furent expulsés de chez eux pour laisser leur domicile, totalement ou partiellement, à la disposition de l'occupant.

Fait nouveau, il y eut des queues très longues devant les magasins d'alimentation et la distribution des tickets réduisit au minimum la nourriture accessible à la population. En très peu de temps toutes les sucreries qu'aiment habituellement les enfants, comme le chocolat, les bonbons, les biscuits, les glaces vendues sur la plage, les caramels, les nougats disparurent des échoppes et des étalages des commerçants. Il en fut de même pour la nourriture essentielle comme la viande, les légumes, les laitages et, sans jamais avoir souffert de la faim, ce que je trouvais dans mon assiette à l'heure des repas était loin de me satisfaire. Je découvris sans plaisir de nouveaux légumes remplaçant les pommes de terre : les rutabagas et les topinambours. Les vitrines des magasins affichaient « les jours sans... » Il y eut « les jours sans viande », « les jours sans pâtisserie », « les jours sans alcool » (ce qui ne gênait pas les enfants !), « les jours sans beurre », « les jours sans charcuterie », « les jours sans laitage », etc. Les coupons de tickets distribués aux familles par la Mairie étaient établis en fonction du nombre de personnes et de leur âge. Heureusement que mon grand-père pouvait parfois, avec un laissez-passer, aller chercher quelques légumes et fruits dans le jardin de la villa qu'il n'habitait plus.

Un autre grand changement concerna la lumière. Les vitres des fenêtres furent recouvertes de papier bleu ou noir, car il ne fallait pas que la

мы избежали этой участи. Многие жители Ла-Рошели были выселены из своих домов, в которых разместились оккупанты.

Вновь перед продовольственными магазинами выстроились очень длинные очереди, а распределение талонов для населения было сведено к минимуму. За очень короткое время все сладости, какие обычно любят дети, такие как шоколад, конфеты, печенье, мороженое, продаваемое на пляже, карамель, нуга, исчезли из магазинов и торговых палаток. То же самое произошло и с основными продуктами питания, такими как мясо, овощи, молочные продукты; и хотя я никогда не страдал от голода, то, что я видел на своей тарелке во время обеда, далеко не всегда мне нравилось. Я без удовольствия попробовал новые овощи, заменяющие картофель, — брюкву и топинамбур. В витринах магазинов были «дни без...»: «дни без мяса», «дни без печенья», «дни без алкоголя» (что не беспокоило детей!), «дни без масла», «дни без колбас», «дни без молочных продуктов» и т. д. Талоны, которые мэрия распространяла среди семей, оформлялись в соответствии с количеством людей и их возрастом. К счастью, мой дедушка иногда мог, имея пропуск, собирать и приносить овощи и фрукты из сада своей виллы, в которой он больше не жил.

Еще одно большое изменение было связано со светом. Оконные стекла были заклеены синей или черной бумагой, поскольку после

moindre lumière apparaisse dès la nuit tombée. Les phares des voitures étaient également peints en bleu, un seul petit rectangle non peint au centre de chaque phare laissant passer un mince faisceau de lumière. Il en était de même pour les voitures des allemands, car il était important que la ville restât dans l'obscurité totale à cause des attaques aériennes.

Si les premiers bombardements furent allemands, les suivants à partir de juin 1940 furent anglais. Quant aujourd'hui encore je me souviens de ces alertes, je me rends compte qu'au fur et à mesure de l'écoulement du temps je m'habituais aux descentes à la cave, au bruit de l'éclatement des bombes permettant de les localiser très approximativement, et même au double coup sec des canons antiaériens dont un était installé à très peu de distance de notre quartier. Quand mon grand-père avait entendu qu'un bombardement était éloigné du centre ville, il m'autorisait à monter avec lui au grenier et je pouvais voir par la grande lucarne les faisceaux des projecteurs de l'artillerie allemande fouillant le ciel pour y détecter les avions ennemis, c'est-à-dire anglais... Ce n'est pas souvent que j'ai pu assister à ce spectacle « son et lumière ». Ma mère continuait à descendre ouvrir aux personnes qui venaient s'abriter dans nos caves, mais quand le bombardement apparaissait comme lointain elles étaient peu nombreuses à venir et ma mère remontait après avoir ouvert et nous ne descendions à la cave que lorsque les explosions de bombes se rapprochaient. Je ne peux pas donner

наступления темноты даже малейший свет не должен был проникать наружу. Фары автомобилей также были окрашены в синий цвет, один маленький неокрашенный прямоугольник в центре каждой фары пропускал тонкий луч света. Так же были окрашены и фары автомобилей немцев, потому что из-за воздушных атак было важно, чтобы город оставался в полной темноте.

Если первые бомбардировки были немецкими, то последующие с июня 1940 г. были английскими. Даже сегодня я всё ещё помню вой сирен. Я понимаю, что со временем я привык к тому, что надо спускаться в подвал, привык к звуку взрывающихся бомб, по которому можно было приблизительно определить, где они разорвались, и даже привык к двойным сухим выстрелам зенитных орудий, одно из которых было установлено рядом с нашим домом. Когда мой дедушка слышал, что бомбили далеко от центра города, он разрешал мне подниматься с ним на чердак, и я мог видеть из большого чердачного окна лучи немецких артиллерийских прожекторов, рыскающих по небу в поисках вражеских самолетов, а именно английских самолетов... Мне не часто удавалось быть зрителем этого шоу «звук и свет». Моя мать всё ещё спускалась и открывала двери людям, которые приходили, чтобы укрыться в наших подвалах, но когда бомбили далеко от нас, мама сразу же возвращалась в комнаты. Мы спускались в подвал только тогда, когда бомбы взрывались ближе. Я не могу сейчас назвать

un chiffre précis, mais je sais que sur la durée de toute la guerre, il y eut environ de 450 alertes aériennes sur La Rochelle — La Pallice.

Pourquoi le centre-ville et son vieux port furent-ils épargnés par les bombardements alors que les quartiers du nord de la ville et de La Pallice furent rasés ? C'est grâce aux Allemands, involontairement ! En effet, à peine arrivés ils recrutèrent de force un grand nombre d'ouvriers et se mirent à construire « Le mur de l'Atlantique », à modifier le port de La Pallice (c'est-à-dire le port industriel de La Rochelle) pour y installer une base sous-marine avec toutes les fortifications de défense qu'elle nécessitait. Quand les Anglais, et plus tard les Américains, bombardaient c'est le port de La Pallice, avec les travaux en cours, les nombreuses pièces d'artillerie, les grues de débarquement du matériel, les réservoirs d'essences, les aires où s'accumulait le matériel de guerre, les casernes, l'aérodrome, les navires de guerre allemands venus jeter l'ancre, plus tard les sous-marins, etc. qui les intéressaient. L'occupant construisit des blockhaus partout, et même un au centre-ville, mais ils étaient parfaitement camouflés. Ainsi, en bordure de l'avenue Jean Guiton qui va de la Place de Verdun à La Pallice, au milieu d'un quartier résidentiel composés de nombreuses villas, les Allemands construisirent un blockhaus contenant un canon antiaérien, mais ils peignirent sur cet imposant bloc de béton des faux-balcons, des fausses fenêtres, et nul doute que vu d'avion il ne se distinguait pas des villas voisines. Ce blockhaus est toujours

точную цифру, но я знаю, что за всю войну было около 450 воздушных тревог над Ла-Рошелью — Ла-Паллисом.

Почему центр города и его старый порт не бомбили, тогда как северные районы города и Ла-Паллис были разрушены? Благодаря немцам, как ни странно это звучит! Как только они прибыли, они насильно завербовали большое количество рабочих и начали строить Атлантическую стену, чтобы усовершенствовать порт Ла-Паллис (промышленный порт Ла-Рошели) и установить базу для подводных лодок со всеми необходимыми оборонительными укреплениями. Англичане, а затем и американцы бомбили именно порт Ла-Паллис, где велись строительные работы, где были установлены многочисленные артиллерийские орудия, краны для разгрузки техники, где находились бензобаки, склады с оружием и боеприпасами, казармы, аэродром, стоявшие на якоре немецкие военные корабли. Эти объекты бомбили с утра до вечера. Оккупанты строили блокпосты повсюду, один даже построили в центре города, но эти сооружения были отлично замаскированы. Также в конце проспекта Жана Гитона, который тянется от площади Верден до Ла-Паллиса, в центре жилого района, состоящего из многочисленных вилл, немцы построили блокпост, в котором было зенитное орудие. Они нарисовали на этом внушительном бетонном блоке ложные балконы, ложные окна. Без сомнения, увиденный с самолета, он был неотличим от соседних жилых

visible aujourd'hui, tout comme la base sous-marine que les touristes peuvent visiter, car ce sont des bâtiments quasiment indestructibles. Les Américains, lors d'un bombardement vers la fin de la guerre atteignirent la base sous-marine avec une bombe de quatre tonnes... elle ne fit qu'ébrécher un angle de cet énorme construction qui resta en parfait état de fonctionnement. Seul l'océan a été capable de venir à bout, y compris en les renversant complètement, des blockhaus qui avaient été construits sur les plages.

Le régime de Vichy avait interdit d'écouter la radio anglaise, mais ma mère et mon grand-père l'écoutaient malgré les brouillages effectués par les Allemands. « *Radio Paris ment, Radio Paris ment, Radio Paris est allemand...* » est un indicatif que j'ai entendu presque tous les jours et aujourd'hui encore je peux en retrouver la mélodie sur le piano. Évidemment le « pan pan pan... pan », rappelant l'ouverture de la cinquième symphonie de Beethoven, un allemand sympathique, lui !, « Ici Londres, les Français parlent aux Français », me devint également très familier. Mais bien sûr on écoutait aussi *Radio Paris* qui commenta féroce­ment « la trahison de l'Angleterre » qui attaqua la flotte française à Mers-el Kébir le 3 juillet 1940. J'étais catastrophé, bien que ne comprenant pas tout aux événements, car parmi les bateaux attaqués il y en avait deux au moins dont mon père m'avait apporté les maquettes en plomb à Mano, les plus prestigieuses, le *Dunkerque* et le *Strasbourg*. Ma mère n'aimait pas les Allemands, mais elle ne portait pas non plus « La perfide

домов. Этот блокпост сохранился, так же как и база для подводных лодок, доступная сегодня для посещения туристами. Их практически невозможно было разрушить. Американцы в конце войны сбросили на базу четырехтонную бомбу — она только отколола угол этого огромного сооружения, которое осталось в идеальном рабочем состоянии. Только океан смог повредить блокпосты, построенные на пляжах, и даже полностью опрокинуть их.

Режим Виши запретил французам слушать английское радио, но мои мама и дедушка слушали его, несмотря на глушилки немцев. «„Радио Парижа“ лжет, „Радио Парижа“ лжет, „Радио Парижа“ — немец...» — эти слова я запомнил; это свидетельство того, что я слышал эти слова почти каждый день, и даже сегодня я могу наиграть мелодию позывных на пианино. Несомненно, мелодия «пан-пан-пан пан», напоминающая начало Пятой симфонии Бетховена, замечательно­го немца, — позывные «Радио Лондона»: «Говорит Лондон, французы обращаются к французам!» — стала мне очень знакомой. Конечно же, мы также слушали «Радио Парижа», в котором яростно комментировали «предательство Англии», которая напала на французский флот в Мерс-эль-Кебуре 3 июля 1940 г. Для меня это была катастрофа, хотя я не всё понимал. Среди атакованных кораблей было по крайней мере два самых престижных, модели которых мой отец привез мне в Mano, — «Дюнкерк» и «Страсбург». Моей

Albion » dans son cœur. Mon grand-père me fit comprendre qu'il ne fallait pas que les Allemands puissent s'emparer des bateaux français. Le lendemain, Vichy profita de l'occasion pour rompre les relations diplomatiques avec le gouvernement britannique. Les choses devinrent très compliquées car pour moi nous avons désormais deux ennemis, les Allemands qui nous bombardèrent... et les Anglais qui prirent leur suite !

L'arrivée des Allemands en juin 1940 n'empêcha pas la venue en juillet du temps des vacances, et pour les enfants particulièrement la plage redevenit le lieu privilégié des jeux sur le sable, des baignades, des constructions de châteaux de sable, des jeux de billes, et pour mon frère comme pour moi, les plaisirs de la plage nous faisaient presque oublier que nous étions en guerre et que l'ennemi était chez nous.

Quand le temps était beau, la bonne nous emmenait à la plage où se doraient au soleil un très grand nombre de soldats allemands. La terrasse de la *Pergola*, le grand café-restaurant donnant sur la plage, avait pris la couleur feldgrau des uniformes de l'occupant, tant ils étaient nombreux à s'y prélasser.

Alors qu'elle n'avait eu aucune nouvelle de mon père, ce qu'elle nous cachait en faisant semblant de savoir ce qu'il devenait, ma mère reçut de la mairie une étiquette permettant de lui envoyer un colis dans le stalag où il

маме не нравились немцы, но в глубине сердца она не воспринимала Альбион «коварным». Мой дедушка объяснил мне, что немцы не должны были воевать на французских кораблях. На следующий день Виши воспользовался возможностью разорвать дипломатические отношения с британским правительством. Всё стало очень сложно, потому что для меня это значило, что теперь у нас было два врага: немцы, которые первыми бомбили нас... и англичане, которые продолжали бомбить нас еще сильнее!

Прибытие немцев в июне 1940 г. не помешало наступлению в июле времени отпусков. Пляж — а для детей особенно — снова стал заманчивым местом игр, плавания, строительства песочных замков, игр с мячом; и меня, и я полагал, что и моего брата, удовольствия от пляжа заставили почти забыть, что мы были в состоянии войны и что враг был дома.

В хорошую погоду бонна отвела нас на пляж, где загорали немецкие солдаты. Терраса «Перголы» (*Pergola*), большого кафе-ресторана, выходящая на пляж, стала защитного (фельдграу) цвета униформы оккупантов, потому что многие из них там расслаблялись.

Моя мать скрывала от нас, что она долгое время не получала никаких известий о моем отце. Неожиданно она получила из мэрии разрешение отправить отцу посылку в концлагерь, куда он попал после

était prisonnier. Elle fut très heureuse car elle avait ainsi la certitude qu'il était vivant. C'est comme cela que j'appris que mon père avait été fait prisonnier. Cette information me fit un drôle d'effet car malgré tous les événements relatés par la radio et les journaux je m'étais imaginé qu'il avait échappé à l'ennemi... C'est encore un détail insignifiant qui me revient à l'esprit : à peine cette étiquette reçue, ma mère réussit à se procurer un poulet (produit devenu très rare et très cher) chez le fromager qui tenait son commerce à cinquante mètres de notre domicile. Ce poulet fut cuit, logé dans une boîte en fer qui avait contenu des biscuits *LU*, puis fut entouré de graisse et expédié en Allemagne, à l'adresse du stalag *XIII-C Lagerarzt* où mon père avait été affecté. Dois-je avouer que la vue de ce poulet me donna faim ? Très faim !

Pendant cet été 1940, je découvris les attitudes d'une armée victorieuse, et ce n'était pas l'armée française. Concernant notre armée j'entendis les adultes parler de « débâcle » et je devinais que ce mot avait un rapport avec la fuite et la défaite.

Un premier petit incident reste bien fixé dans ma mémoire : quand Paulette, la bonne, nous emmenait à la plage, mon frère et moi, elle était obligée de s'occuper de ce dernier, à qui elle racontait des histoires. Un jour elle demanda à ma mère si elle pouvait emprunter un livre pour enfants afin de le

пленения. Она выглядела очень счастливой, потому что поняла, что отец был жив. Так я узнал, что мой отец попал в плен. Эта информация произвела на меня забавный эффект, потому что, несмотря на все события, о которых сообщали радио и газеты, я думал, что отец никогда не встретится с врагом лицом к лицу... В связи с этим вспоминается еще одна незначительная деталь. Как только это разрешение было получено, моей маме удалось достать курицу (продукт, который стал почти недоступным и очень дорогим) у сыродела, у которого был свой магазин в 50 метрах от нашего дома. Эта курица была сварена, помещена в железную коробку из-под печенья *LU*, залита жиром и отправлена в Германию по адресу концлагеря *Lagerarzt XIII-C*, куда был заключен мой отец. Должен ли я признать, что вид этой курицы вызвал у меня чувство голода? Еще какого!

Летом 1940 г. я почувствовал на себе отношение представителей армии-победителя к местным жителям, и это не были представители французской армии. Что касается нашей армии, я слышал, как взрослые говорили о ее «разгроме», и я догадался, что это слово связано с бегством и поражением.

Первый маленький инцидент остался в моей памяти. Полетт, наша бонна, каждый день водила нас с братом на пляж, где она должна была занимать нас и рассказывать нам сказки. Однажды она попросила у моей мамы книгу для детей, чтобы прочитать ее Жилю на пляже,

lire à Gilles sur la plage en lui montrant en même temps les illustrations. Moi je rejoignais des enfants de mon âge avec qui je jouais aux billes, ou construisais des châteaux de sable, ou pêchais des crevettes avec un petit filet. Paulette prit donc l'habitude d'emprunter un livre d'enfant au magasin à chaque sortie et un jour ma mère la remercia pour ces nombreuses séances de lecture qui permirent en particulier à mon frère de se familiariser avec Donald, Félix le chat et Blanche Neige. Elle répondit à ma mère qu'elle n'avait plus besoin de lire car c'est le copain de Gilles qui lui lisait les histoires. Ma mère, étonnée, demanda qui était ce copain.

— Madame, c'est un soldat allemand qui vient tous les jours sur la plage et qui m'a expliqué que ça lui permettait de perfectionner son français.

Je revois ma mère tout d'abord sans voix, regardant Paulette fixement puis s'écriant :

— Un soldat allemand ?

— Oui madame, il est très gentil, et m'a expliqué qu'il a un fils qui a le même âge que Gilles.

— Paulette ! Mon mari est prisonnier des Allemands et c'est un soldat allemand qui lit des histoires à mon fils !

Je ne me souviens plus de la suite de cette échange, mais Paulette ne fut plus autorisée à emprunter des livres à la librairie avant de nous emmener à la plage, et je pense qu'elle avait été priée de garder ses distances d'avec l'ennemi...

Mais la rousse et jolie Paulette devait sans doute plaire aux hommes,

одновременно показывая ему картинки. Я же убежал поиграть с детьми моего возраста: мы гоняли мяч, или строили замки из песка, или ловили креветок при помощи маленькой сетки. Вскоре Полетт стала брать в магазине какую-нибудь детскую книгу каждый раз, когда мы шли на пляж, и однажды моя мама поблагодарила ее за эти ежедневные чтения на пляже, которые позволили моему брату, в частности, познакомиться с селезнем Дональдом, котом Феликсом и Белоснежкой. Полетт ответила, что читала вовсе не она, а друг Жилия. Моя мама удивилась и спросила, кто этот друг.

— Мадам, это немецкий солдат, который каждый день приходит на пляж. Он объяснил мне, что чтение позволило ему улучшить свой французский.

Я вижу, что моя мать сначала потеряла дар речи, уставившись на Полетт, затем воскликнула:

— Немецкий солдат?

— Да, мадам, он очень хороший, он объяснил мне, что у него есть сын того же возраста, что и Жиль.

— Полетт! Мой муж — в плену у немцев, а немецкий солдат читает сказки моему сыну!

Я не помню, что произошло после этого разговора, но Поллетт больше не позволяла брать книги в книжном магазине перед походом на пляж, и я думаю, что ее попросили устроить с детьми на песке подальше от врага...

Но рыжеволосая и симпатичная Полетт, несомненно, нравилась

et un peu plus tard dans l'été, un jeune allemand qui était venue lui parler lui donna un cylindre de chocolat d'au moins 30 cm de long et 4 cm de diamètre, enveloppé dans du papier d'aluminium. J'ai voulu goûter ce chocolat car ça faisait déjà longtemps que je n'en avais plus mangé et c'était un produit devenu introuvable à La Rochelle. Paulette nous dit que nous ne le goûterions que lorsque nous serions revenus à la maison. Malheureusement, une fois rentrés, ma mère la rejoignit à la cuisine et demanda d'où venait ce chocolat. Paulette expliqua qu'un soldat allemand qui venait la retrouver à la plage pour parler avec elle... lui avait fait ce cadeau. Ma mère prit ce magnifique morceau de chocolat, ouvrit le placard qui se trouvait sous l'évier et le jeta dans la poubelle. Cher lecteur, il se passait dans le monde à cette époque des choses graves, importantes, il y eut des alertes avec bombardement que je n'ai pas toutes mémorisées, en particulier sur La Pallice, mais je n'ai jamais oublié ce chocolat et, 80 années après, je revois encore la trajectoire qu'il accomplît de la main de ma mère vers la poubelle. Je ne revis du chocolat que trois ans plus tard, en zone libre, chez un pâtissier d'Aire-sur-l'Adour.

Ces petits faits montrent à quel point l'emprise de l'occupant devenait de plus en plus forte sur tous les domaines de la vie des Rochelais.

Ma grand-mère maternelle était la seule à fréquenter régulièrement la

мужчинам, и чуть позже летом какой-то молодой немец, подошедший поговорить с ней, подарил ей шоколадный цилиндр длиной не менее 30 см и диаметром 4 см, завернутый в алюминиевую фольгу. Я очень хотел отломить кусочек от этого цилиндра и попробовать его, потому что уже много времени прошло с тех пор, как я ел шоколад, и во всей Ла-Рошели невозможно было его найти. Полетт же сказала нам, что мы не сможем попробовать его, пока не вернемся домой. К сожалению, когда мы вернулись домой, моя мама пришла на кухню и спросила, откуда взялся шоколад. Полетт объяснила, что немецкий солдат, который подошел к ней на пляже, чтобы просто поговорить, подарил ей этот цилиндр. Мама взяла этот чудесный кусок шоколада, открыла шкаф под раковиной и выбросила его в мусорное ведро. Уважаемый читатель, в то время в мире происходили серьезные, важные события, были сирены, бомбили север Ла-Рошели, в частности порт Ла-Паллис, но больше всего я запомнил тот шоколад, и спустя 80 лет я всё еще вижу траекторию, по которой он полетел от руки моей матери в мусорную корзину. Только три года спустя я снова попробовал шоколад в свободной зоне, в кондитерской «Эра-на-Адуре» (d'Aire-sur-l'Adour).

Эти незначительные, на первый взгляд, происшествия показывают, как вмешательство оккупантов во все сферы жизни жителей Ла-Рошели становилось всё сильнее и сильнее.

Моя бабушка по материнской линии была единственной, кто

messe du dimanche à la cathédrale et parfois, heureusement pas trop souvent, je devais l'accompagner. Or il y avait dans l'armée allemande des catholiques pratiquants. Ils arrivaient en rang, au pas cadencé, commandés par un officier et deux sous-officiers pour assister à 10 h à une messe qui leur était réservée. Même si les trois armes, Wehrmacht, Kriegsmarine et Luftwaffe étaient présentes dans notre ville, je n'ai vu que des soldats en tenue feldgrau venir à la messe en opérant des déplacements et des figures dignes de celles qu'exécute l'armée anglaise. Ils étaient sans leurs fusils, mais casqués et portaient leurs baïonnettes. Au commandement ils se mettaient au garde-à-vous, puis à un deuxième commandement enlevaient tous leur casque en même temps de leur main droite, et le tenait ensuite serré contre leur hanche. Ce cérémonial m'impressionnait et je dois même avouer que j'avais une certaine admiration pour la perfection de l'exécution des mouvements commandés.

Le plus beau café de l'époque à La Rochelle était le *Café de la Paix*. C'était un café à l'ancienne, (style fin XVIIIe début XIXe siècle) magnifiquement décoré où la bourgeoisie rochelaise aimait se retrouver, particulièrement le dimanche en fin de matinée après la messe. Ce café est encore aujourd'hui aussi beau que le *Café des Deux Garçons* à Aix-en-Provence (qui est classé au patrimoine de l'UNESCO). Ma mère et ma grand-mère y

régulièrement posait la messe dominicale et parfois, heureusement pas trop souvent, je devais l'accompagner. Or il y avait dans l'armée allemande des catholiques pratiquants. Ils arrivaient en rang, au pas cadencé, commandés par un officier et deux sous-officiers pour assister à 10 h à une messe qui leur était réservée. Même si les trois armes, Wehrmacht, Kriegsmarine et Luftwaffe étaient présentes dans notre ville, je n'ai vu que des soldats en tenue feldgrau venir à la messe en opérant des déplacements et des figures dignes de celles qu'exécute l'armée anglaise. Ils étaient sans leurs fusils, mais casqués et portaient leurs baïonnettes. Au commandement ils se mettaient au garde-à-vous, puis à un deuxième commandement enlevaient tous leur casque en même temps de leur main droite, et le tenait ensuite serré contre leur hanche. Ce cérémonial m'impressionnait et je dois même avouer que j'avais une certaine admiration pour la perfection de l'exécution des mouvements commandés.

регулярно посещал воскресную мессу в соборе, и иногда — к счастью, не часто — мне приходилось сопровождать ее. Теперь туда приходили немцы, практикующие католики в немецкой армии. Строевым шагом они прибывали в 10 часов утра на мессу, специально проводимую для них, в сопровождении офицера и двух унтер-офицеров. Даже если в нашем городе и располагались три немецких армии — Вермахт, Кригсмарине и Люфтваффе, — я видел только солдат в форме фельдграу, которые выходили после мессы, выполняя движения и фигуры, подобные тем, которые исполнялись английским королевским караулом. Они были без огнестрельного оружия, но все в касках и со штыками. По команде они вставали по стойке «смирно», затем по второй команде все они одновременно поднимали каски правой рукой, а затем крепко прижимали их к бедру. Эта церемония произвела на меня неизгладимое впечатление, и я должен признать, что у меня было даже определенное восхищение совершенством исполнения предписанных движений.

Самым лучшим кафе того времени в Ла-Рошели было «Кафе мира» (*Café de la Paix*). Это было старомодное кафе (в стиле конца XVIII — начала XIX в.), красиво декорированное, где любила проводить время буржуазия Ла-Рошели, особенно воскресным утром после мессы. Это кафе до сих пор так же прекрасно, как и «Кафе двух братьев» (*Café des Deux Garçons*) в Экс-ан-Провансе (которое внесено

venaient et j'avais le plaisir d'écouter l'orchestre (un piano, un violon, un alto et un violoncelle) qui jouait des airs classiques, mais aussi de la musique viennoise et des airs d'opérettes principalement. La clientèle de ce temps de guerre comportait évidemment beaucoup d'officiers allemands venus se mêler aux habitués de la ville. Ces fins de matinées du dimanche prenaient des airs de fête qui donnaient l'illusion de la disparition de la guerre, mais les alertes qui se produisaient presque toujours la nuit faisaient vite disparaître cette illusion.

Je repris le chemin de l'école où tantôt mon grand-père, tantôt Paulette me conduisaient. Dès que nous étions entrés en classe l'institutrice nous faisait chanter « Maréchal, nous voilà » avant que nous nous mettions au travail. Je chantais avec les autres : on nous persuadait que nous étions protégés par le Maréchal ! Et que les Allemands n'étaient plus nos ennemis ! Or ce n'était pas du tout ce que pensait mon grand-père qui se considérait toujours « occupé par les boches ». En outre l'institutrice du Petit Lycée nous fit dessiner et peindre des francisques et des bâtons étoilés de maréchal en nous expliquant que ces dessins seraient envoyés au Maréchal qui nous remercierait sans doute « en faisant revenir en France vos papas prisonniers ». Il y eut quelques alertes mais il s'agissait maintenant de bombardements opérés par les anglais, devenus

в список объектов наследия ЮНЕСКО). Моя мама и моя бабушка приводили меня туда, и я с удовольствием слушал оркестр (фортепиано, скрипка, альт и виолончель), который играл классические мелодии, а также венскую музыку, в основном из оперетт. Клиентура военного времени, очевидно, включала в себя много немецких офицеров, которые отдыхали там наряду с постоянными посетителями кафе. И воскресная месса, и атмосфера кафе, и оркестр — всё это создавало иллюзию праздника, иллюзию исчезновения войны, но воздушные тревоги и бомбежки, которые почти всегда происходили по ночам, быстро рассеивали эту иллюзию.

Осенью я вернулся в школу, куда меня приводили иногда мой дедушка, иногда Полетт. Как только мы входили в класс, учительница заставляла нас петь «Маршал, вот и мы», прежде чем приступить к учебе. Я пел с остальными: нас убеждали, что нас защищает маршал! И что немцы больше не были нашими врагами! Но это совсем не совпадало с тем, как мыслил мой дедушка, который всегда считал, что нас «оккупировали боши». Кроме того, учительница Младшего лицея заставила нас рисовать и раскрашивать маршалов со звездами, знаками отличия и жезлами, объясняя, что эти рисунки будут отправлены маршалу, которого, без сомнения, мы поблагодарим «за то, что ваши военнопленные отцы вернутся во Францию». Всё еще объявляли воздушные тревоги, но теперь бомбили

pour beaucoup de français nos nouveaux ennemis. Comme d'habitude ma mère descendait ouvrir aux personnes à qui la « défense passive » avait affecté notre première cave comme abri public, et les propos qui se tenaient pendant les alertes étaient de plus en plus anti-anglais. Ma mère s'enfermait plutôt dans le silence sur ce sujet et ce n'est que plus tard que je compris que ce silence s'expliquait par les dénonciations encouragées par l'État Français. Le soir elle écoutait du mieux qu'elle le pouvait la radio anglaise qui était de plus en plus brouillée par les Allemands. Certes il lui arrivait de plaindre Pétain en disant « c'est un pauvre vieux », mais elle ne l'approuvait pas.

A l'automne, le « pauvre vieux » rencontra Hitler, ce qui mit mon grand-père très en colère : il les détestait l'un et l'autre et les mettait tous les deux dans le même sac ; quand j'y pense aujourd'hui je reconnais qu'il avait raison. A la maison, les adultes commençaient à parler de de Gaulle mais j'avoue ne pas savoir si nous avons entendu l'appel du 18 juin.

L'année 1941

Cher lecteur, l'année 1941 fut la continuation pour les Rochelais, de ce qu'ils vivaient depuis le 23 juin 1940, et s'il fallait relever une liste des différences entre ces deux années, ce ne seraient que des différences d'intensité qui se

manifestaient : ils étaient devenus nos nouveaux ennemis. Comme d'habitude, ma mère descendait ouvrir aux personnes à qui la « défense passive » avait affecté notre première cave comme abri public, et les propos qui se tenaient pendant les alertes étaient de plus en plus anti-anglais. Ma mère s'enfermait plutôt dans le silence sur ce sujet et ce n'est que plus tard que je compris que ce silence s'expliquait par les dénonciations encouragées par l'État Français. Le soir elle écoutait du mieux qu'elle le pouvait la radio anglaise qui était de plus en plus brouillée par les Allemands. Certes il lui arrivait de plaindre Pétain en disant « c'est un pauvre vieux », mais elle ne l'approuvait pas.

Oscars Wilde « бедный старик » встретился с Гитлером, что очень разозлило моего деда: он ненавидел их обоих и считал, что они «два сапога пара». Когда я думаю об этом сегодня, я понимаю, что он был прав. Дома взрослые начали говорить о де Голле, но, признаюсь, я не знаю, смогли ли мы послушать его воззвание от 18 июня¹.

1941 г.

Дорогой читатель, для жителей Ла-Рошели 1941 г. был продолжением тех событий, которые начались для них с 23 июня 1940 г., и если бы было необходимо составить список различий между этими двумя годами,

¹ Знаковая для Франции речь Шарля де Голля, произнесенная по радио 18 июня 1940 г., призывающая вступить в движение Сопротивления против захватчиков.
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Речь_18_июня

dégageraient, mais dans le mauvais sens. C'est-à-dire que tout devenait plus difficile à vivre, tout devenait plus difficile à supporter : les alertes aériennes plus fréquentes, la nourriture devenant à la fois plus rare et plus mauvaise.

En outre, sans que l'enfant que je suis alors puisse en être vraiment conscient, j'entends les grandes personnes se plaindre de la façon avec laquelle la gestion de la ville est tombée complètement aux mains des différents services de l'administration allemande ; même les capitaineries des ports de La Rochelle et La Pallice, la gare, le camp d'aviation de Laleu, mais aussi les écoles et les hôpitaux sont sous le contrôle de l'occupant.

Les Feldgendarmes (police militaire) en patrouille quadrillaient sans cesse toute la ville. Le soir après le couvre-feu, comme il n'y avait plus de circulation, les quelques bruits de la rue montaient jusqu'à la hauteur de la fenêtre de ma chambre et je les reconnaissais sans les voir non seulement au bruit de leurs bottes, mais aussi aux claquements que faisaient leurs plaques métalliques de Feldgendarmerie sur les boutons de leurs vestes feldgrau à chacun de leurs pas. Même quand je ne les voyais pas, ils étaient là et se faisaient entendre ! A l'entrée de l'hôtel de ville des sentinelles montaient la garde devant des guérites peintes en noir, blanc et rouge. La voiture *Citroën II* légère encore neuve qui avait si bien marché, malgré la neige, quand mon père était venu me voir à Mano dans les Landes lors de l'hiver 1938-39 fut réquisitionnée sans autre forme de procès et nous ne la revîmes jamais.

то это были бы только различия в степени интенсивности испытаний и страданий. Иными словами, жить становилось всё тяжелее, терпеть становилось всё труднее: частые воздушные тревоги, скудная и невкусная еда.

В моей памяти осталось, что, будучи ребенком, я осознавал эти лишения, но мне запомнилось и то, что говорили взрослые. Запомнилось, как они жаловались, что управление городом полностью перешло в руки немецкой администрации; даже управление портами Ла-Рошель и Ла-Паллис, вокзалом, авиационным центром Лале, а также школой и больницей перешло под контроль оккупантов.

Солдаты полевой жандармерии (военной полиции) постоянно патрулировали весь город. Вечером после комендантского часа, когда прекращалось движение транспорта, до окон моей комнаты доносились звуки, которые я узнавал сразу же: щелканье подков на армейских сапогах патрульных и позвякивание металлических пуговиц на их мундирах при каждом шаге. Я не видел, как они вышагивали, но эти звуки я слышу до сих пор.

У входа в мэрию перед караульными будками, выкрашенными в черные, белые и красные цвета, стояли на страже часовые. Наш легкий новый автомобиль «Ситроен-11», который сумел проехать даже по глубокому снегу, когда мой отец приехал навестить меня в деревне Мано в Ландах зимой 1938/39 гг., был реквизирован без лишних слов, и мы его больше не видели.

Au sujet des alertes, il en est une qui se situe vers la fin du mois de mai et dont j'ai un souvenir précis car ce fut la plus longue de toutes celles que j'ai vécues à La Rochelle (car plus tard j'en vivrai d'autres ailleurs). Paulette nous avait emmenés, mon frère et moi, un matin de mai, à la piscine du parc. J'avais pris mon voilier avec moi. Les enfants ne se baignaient pas car le temps était encore frais, ce qui laissa le champ libre à mon bateau qui pouvait prendre le vent avec son foc, son génois et sa grand-voile, et filer magnifiquement sur la surface du bassin sans être gêné par des nageurs. La navigation l'emportait ce jour-là sur la natation et c'était une navigation sans pollution... ! Un fois mon voilier lancé je passais de l'autre côté du bassin pour le récupérer puis le relancer, et ces voyages me faisaient rêver. Ce navire était la reproduction d'un yack de compétition avec un pont et un roof en bois verni : sa coque, blanche jusqu'à la ligne de flottaison, vert foncé dessous, était fine et coupait l'eau comme la lame d'une épée. J'étais très fier d'être le capitaine, le pacha comme on dit dans le milieu de la marine, d'un tel bateau, et quand je le voyais s'éloigner je rêvais que je le barrais. Je vivais intensément ces traversées d'un bassin transformé en océan par mon imagination... ! Mes croisières terminées, nous revenions à la maison avec Paulette quand, vers 11 h peut-être, au moment où nous sortions du parc, la sirène se mit à sonner. Les policiers français présents sur la Place d'Armes nous obligèrent à descendre dans le grand abri antiaérien récemment creusé

Что касается воздушных тревог, то одна, которая была в конце мая, мне запомнилась больше всего, потому что она была самой продолжительной из тех, которые я пережил в Ла-Рошели (потому что позже я жил в другом месте, где тоже объявляли воздушные тревоги). Однажды майским утром Полетт отвела меня и моего брата в бассейн, который находился в парке. Я взял с собой свой игрушечный парусник. Было прохладно, дети не купались, поэтому на воде было много открытого места для моего парусника. Ветер был сильный, и кораблик красиво вращался на поверхности бассейна, поднимая воду носом и килем, не сталкиваясь с пловцами. Когда мой парусник оказался на другой стороне бассейна, я побежал выловить его, затем снова спустил на воду, и так несколько раз. Я воображал, что мой парусник участвует и побеждает в больших соревнованиях. Этот игрушечный кораблик был копией спортивной яхты с палубой и лакированной деревянной крышей: его корпус, белый от ватерлинии, темно-зеленый внизу, был мелким и подрезал воду, как лезвие меча. Я гордился тем, что был капитаном такого парусника, «пашой», как говорят на флоте, в моем воображении я превратил бассейн в океан! Вскоре мои «круизы» закончились, мы с Полетт стали собираться домой, когда около 11 часов утра, когда мы выходили из парка, завывла сирена. Французская полиция на Оружейной площади заставила нас спуститься в большое

à cet endroit. Il y avait beaucoup de monde dans l'abri mais on n'entendait aucun bruit d'explosions de bombes, en revanche le double claquement des pièces de la DCA se firent entendre par moments mais d'une manière très sourde. Nous ne ressortîmes de notre confinement, mot devenu très à la mode aujourd'hui..., que vers 19 h ! A l'époque il n'y avait pas de téléphone mobile pour dire à ma mère de ne pas se faire de souci, que nous étions en sécurité, mais elle s'était doutée qu'on nous avait obligés à descendre dans ce grand abri qui se trouvait sur notre itinéraire de retour et dont l'entrée était située face à la grande cathédrale de la ville. De ce qu'il s'était passé, nous ne savions rien, et ceux qui avaient échappé au confinement dans les abris n'en savaient pas plus.

Mais dès le lendemain, les ouvriers de l'imprimerie parlaient d'un bateau de guerre allemand, le *Prinz Eugen*, qui serait arrivé en catastrophe avec plus de 2 000 tonnes d'eau dans ses soutes à La Pallice, qu'il aurait été attaqué à de nombreuses reprises par l'aviation anglaise et qu'il serait reparti dans la nuit. Au risque de te décevoir, cher lecteur, sache que cette information était complètement fausse, mais sans doute la grande alerte en question a-t-elle quand même un rapport avec cet événement capital du mois de mai 1941 : le cuirassé *Bismarck* torpillé et coulé par l'aviation et la marine britanniques.

бомбоубежище, недавно вырытое там, вход которого был расположен напротив самого большого собора города. В бомбоубежище было много людей, но там не было слышно звуков взрывов бомб, однако время от времени был слышен двойной щелчок орудий Противовоздушной обороны (DCA), но тоже весьма приглушенно. Мы покинули наше заключение (confinement¹) только около 7 часов вечера. В то время не было мобильных телефонов, невозможно было предупредить мою маму, чтобы она не волновалась, что мы были в безопасности, однако она догадалась, что нас заставили спуститься в это большое убежище. Мы ничего не знали о том, что произошло, так же как и те люди, которые покинули его до окончания воздушной тревоги.

Но на следующий день работники типографии говорили о немецком крейсере «Принц Ойген», который вроде бы затонул с более чем 2 000 тоннами воды в своих трюмах в порту Ла-Паллис, о том, что он подвергся нападению во время многочисленных рейдов британской авиации. Я рискую разочаровать Вас, дорогой читатель, знайте, что эта информация была полностью ложной, но, без сомнения, эта воздушная тревога по-прежнему имеет какое-то отношение к одному важному событию мая 1941 г.: линкор «Бисмарк» был торпедирован и потоплен британской авиацией и флотом.

¹ Слово, которое стало очень модным сегодня. — П. М.

Quand le commandant de ce cuirassé, le plus puissant navire de ligne de la Kriegsmarine, comprit que son bateau était condamné à tourner en rond, donc perdu à brève échéance, ses gouvernails ayant été endommagés par une torpille qui fit des dégâts irréparables, il donna l'ordre au croiseur de bataille *Prinz Eugen*, qui l'escortait depuis son départ d'Allemagne, de s'éloigner. Le commandant du *Prinz Eugen* mit d'abord le cap vers le Sud pour rencontrer un navire pétrolier à peu près à la latitude du Portugal, mais très très très loin au large de ce pays. Après avoir fait le plein de carburant il se dirigea vers le Nord en traversant le Golf de Gascogne. Le bateau avait subi lui aussi des dégâts provoqués par les bateaux britanniques, et son capitaine chercha à gagner un port français pour réparer. Lors de cette remontée vers le Nord le navire passa très au large de La Pallice, puis de Saint-Nazaire avant d'atteindre Brest le 1er juin 1941. Il se peut alors que la longue alerte, qui nous maintint, Paulette, mon frère et moi, presque une journée entière dans un abri souterrain, ait été provoquée par la présence des très nombreuses escadrilles de chasse de la Royal Air Force qui traquaient le *Prinz Eugen*.

D'une part une bataille navale aux conséquences terribles avait eu lieu pour ceux qui se crurent les maîtres définitifs de l'Europe, d'autre part la plus longue alerte aérienne vécue de ma vie d'enfant se produisit au retour des croisières de mon bateau à voile, deux événements très disproportionnés mais qui se produisirent en même temps à un ou deux jours près, et finirent par rester liés dans ma mémoire.

Когда капитан этого линкора, самого мощного линейного корабля боевого флота Германии, понял, что его судно обречено на вращение по кругу, потому что оно потеряло управление, т. к. рулевые механизмы были повреждены торпедой, он приказал крейсеру «Принц Ойген», который сопровождал линкор с момента выхода кораблей из портов Германии, отойти. Командующий «Принца Ойгена» сначала направил линкор на юг, чтобы заправиться от нефтяного танкера примерно на широте Португалии. После заправки он направился на север через Гасконский залив. «Принц Ойген» также пострадал во время атаки британских кораблей, и поэтому его капитан пытался добраться до французского порта для ремонта. Во время этого похода на север корабль миновал на расстоянии Ла-Паллис, затем Сен-Назер и пришвартовался в Бресте 1 июня 1941 г. Вероятно, рейды многочисленных истребительных эскадрилий Королевских ВВС, которые следили за продвижением «Принца Ойгена», и обусловили столь длительную воздушную тревогу, что заставила Поллет и меня с братом провести почти весь день в убежище.

С одной стороны, имел место морской бой с ужасными последствиями для тех, кто считал себя окончательными хозяевами Европы, с другой стороны, самая длинная воздушная тревога, которая случилась в моем детстве, произошла по возвращении из плавания моего парусника. Это были два очень непропорциональных события, которые произошли в одно и то же время

Il se peut que ce désir de s'inscrire dans l'Histoire que l'on rencontre chez un grand nombre d'hommes politiques et militaires, mais aussi chez les chercheurs et les artistes, naisse en chacun de nous très tôt, sous des formes diversifiées. La fin du *Bismarck* et la fuite du *Prinz Eugen*, événements de l'Histoire, ont fait que les « croisières » de mon petit bateau à voile s'y amarrèrent en quelque sorte ! Quel garçon n'a pas joué « à la petite guerre ? » En outre j'avais comme mon père la passion des bateaux. A ceux qui seraient étonnés des précisions que je pourrai donner plus tard, vers l'âge de 10-11 ans, sur les navires de guerre, je tiens à dire qu'il y avait dans la bibliothèque familiale des livres verts, ressemblant à des dictionnaires, peut-être publiés par le Ministère de la marine, où se trouvaient les caractéristiques de tous les navires de guerre, avec des dessins en coupe sur lesquels les blindages étaient colorés en orange clair. Or ces livres je les ai feuilletés très tôt, peut-être même avant de savoir lire.

Dès 1941 commença la construction de l'immense bunker que fut la Base sous-marine de La Rochelle-Pallice. Ce n'est qu'après la guerre que je pus la voir car les Allemands ne laissaient accéder au chantier que les ouvriers qui y travaillaient, mais elle occupa dès le début de sa construction une place importante dans mon imaginaire car tout le monde en parlait et en plus les alertes devinrent plus fréquentes du fait même de l'existence

в течение дня или двух и которые в конечном итоге были связаны воедино в моей памяти. Возможно, это желание быть частью истории, которую мы находим у большого числа политиков и военных, а также у исследователей и художников, возникает у каждого из нас очень рано в той или иной форме. Гибель линкора «Бисмарк» и повреждение линкора «Принц Ойген» — исторические события, которые каким-то образом придали значимость «круизам» в бассейне моего маленького парусника! Какой мальчик не играл в «войну»? Кроме того, как и у моего отца, у меня была страсть к кораблям. В возрасте 10-11 лет я удивлял взрослых подробными описаниями каждого военного корабля. И неудивительно: в семейной библиотеке были зеленые книги, напоминающие словари, возможно, изданные Министерством флота, содержащие характеристики всех военных кораблей, с чертежами в разрезе, на которых броня была окрашена в светло-оранжевый цвет. Эти книги я пролистал очень рано, кажется, даже раньше, чем смог их прочитать.

В 1941 г. началось строительство огромного бункера, который должен был стать базой подводных лодок в порту Ла-Рошель-Паллис. Только после войны я смог увидеть эту базу, потому что немцы разрешали доступ к строительной площадке только тем рабочим, которые ее строили, но с самого начала строительства она занимала важное место в моем воображении, потому что все говорили о ней. Кроме того, из-за самого

de ce chantier dont l'aviation anglaise essayait d'entraver la progression.

Un soir de cette année-là, ma mère qui pourtant ne quittait jamais la maison, avait dû sortir et n'était pas rentrée avant le couvre-feu. Mes grands parents étaient fort inquiets quand enfin la sonnette d'entrée retentit. Mon grand-père alla ouvrir et vit sa fille encadrée par deux Feldgendarmes. Elle était allée chez l'expert-comptable qui s'occupait de la tenue des comptes de notre commerce, et en était sortie alors que le couvre-feu quotidien était déjà commencé. A peine dans la rue elle fut arrêtée par une patrouille qui la conduisit « sous Henri IV » où elle faillit passer la nuit.

существования этой строительной площадки воздушные тревоги стали более частыми, английская авиация постоянно бомбила стройку.

Однажды вечером того года моей матери, которая никогда не покидала дом, пришлось выйти. Она не вернулась домой до комендантского часа. Бабушка и дедушка очень волновались. Наконец прозвенел дверной звонок. Дедушка открыл дверь и увидел свою дочь, которую сопровождали два жандарма. Она ходила к бухгалтеру, который отвечал за ведение счетов нашего бизнеса, и ушла от него уже после того, как комендантский час начался. На улице ее остановил патруль, который отвел ее в помещение «под Генрихом IV» (рис. 1), где она провела почти всю ночь.

Рис. 1. Статуя Генриха IV. Ла-Рошель
Источник: URL: <https://picclick.fr/Сра-La-Rochelle-17-Detail-Du-Campanile-De-362627828618.html>

Fig. 1. Statue d'Henri IV. La Rochelle.
Source: <https://picclick.fr/Сра-La-Rochelle-17-Detail-Du-Campanile-De-362627828618.html>

A gauche quand on entre dans la cour de l'hôtel de ville, il y a une très grande et magnifique statue d'Henri IV, roi vénéré de cette ville protestante. Cette statue occupe toujours la même place aujourd'hui malgré l'incendie qui détruisit en décembre 2013 une partie du plus vieil Hôtel de ville de France ; il date de 1298. Il est heureusement aujourd'hui restauré. Au rez-de-chaussée, sous cette statue, il y a toujours eu un poste de police. Ce poste de police fut évidemment occupé par les services allemands et c'est là qu'elle dut expliquer (en se faisant traduire) les raisons de son retard. L'officier du poste lui fit promettre de ne pas recommencer et demanda à deux Feldgendarmes de la reconduire à notre domicile distant d'environ 300 mètres...

Bien des événements se déroulent dans le monde au cours de cette année 1941 mais le petit garçon de 7 ans que j'étais accordait plus d'importance à ses jeux qu'aux événements terribles qui ensanglantaient l'Europe, l'Afrique et l'Asie. On s'habitue à tout et même les alertes aériennes finirent par se banaliser. Il est vrai que nous habitons le centre ville qui ne fut jamais touché par une bombe. Cependant l'annonce par *Radio Paris* de l'opération Barbarossa, c'est-à-dire de l'attaque de l'Allemagne contre la Russie, quelques jours après la longue alerte aérienne dont je viens de parler, me donnait l'impression que cette armée allemande qui défilait presque

Слева, при входе во двор мэрии, находится очень большая и великолепная статуя Генриха IV, самого почитаемого короля этого протестантского города. Эта статуя до сих пор занимает свое место сегодня, несмотря на пожар, который уничтожил в декабре 2013 г. часть здания самой старой мэрии во Франции, которая датируется 1298 г. К счастью, сегодня это здание восстановлено. На первом этаже, под статуей, всегда был полицейский участок. С самого начала оккупации этот полицейский участок был занят немецкими службами, и именно там моя мама должна была объяснить (переводя сама), почему она вышла на улицу после начала комендантского часа. Дежурный офицер пообещал не возбуждать дело и попросил двух жандармов отвести ее к нам домой. Пройти надо было примерно 300 метров...

В течение этого 1941 г. в мире произошло много событий, но 7-летний мальчик, каким я тогда был, больше придавал значение своим играм, чем ужасной войне, которая окровавила Европу, Африку и Азию. Можно привыкнуть ко всему, и даже воздушные тревоги в конечном итоге стали для меня обычным явлением. Может быть, потому, что мы жили в центре города, который никогда не подвергался бомбардировке. Однако когда по «Радио Парижа» объявили об операции «Барбаросса», т. е. о нападении Германии на Россию, вскоре после того, как нам пришлось провести несколько часов в укрытии, о чем я

tous les jours dans les rues de la ville dans un ordre impeccable, était imbattable. Tous les matins des sections passaient au pas cadencé en chantant « Heili heilo »... Ce chant dont je ne comprenais pas les paroles était pour moi un chant de militaires dont le rythme et les sonorités signifiaient la guerre, le combat. Or ce qu'adulte je découvris après en avoir trouvé la traduction des paroles, c'est qu'il s'agissait des propos d'un homme en train de boire pour oublier la femme qu'il aime car il est très pauvre et ne peut donc pas prétendre vivre avec elle.

Là où je voyais la guerre, c'est en fait l'amour romantique qui s'exprimait, mais il est vrai qu'au XIXe siècle déjà, romantisme et héroïsme guerrier avaient souvent fait bon ménage !

Il m'est très difficile encore aujourd'hui de décrire l'atmosphère qui régnait alors car, comme je l'ai déjà évoqué, ceux qui étaient nos alliés tuaient des Français en bombardant les Allemands. A ce sujet j'ai le souvenir très précis de l'embarras dans lequel me mit un arrivage de nouveaux soldats de plomb dans la vitrine du marchand de jouets de la Rue du Minage. Je passais quatre fois par jour devant ce magasin en allant et revenant du Petit Lycée où j'étais élève. Or un jour, à ma grande surprise, je vis, exposés dans la vitrine, des soldats (de plomb) allemands fabriqués par une marque française que je ne citerai pas. Il y avait en particulier des motos avec side-car équipées de fusils-mitrailleurs qui reproduisaient exactement celles que

уже писал, у меня создалось впечатление, что эта немецкая армия, солдаты которой почти каждый день маршировали на улицах нашего города, была непобедима. Каждое утро немцы вышагивали под темп марша «Heili heilo», выкрикивая слова... Этот марш, слова которого я не понимал, был для меня песней солдат, ритм и тональность которой означали войну и бой. Уже взрослым я наткнулся на перевод слов марша и обнаружил, что немецкие солдаты пели о том, как мужчина напивается, чтобы забыть любимую женщину, потому что он очень беден и оттого не смеет жить с ней.

Там, где я видел войну, на самом деле была романтическая любовь. Правда, еще в XIX в. романтизм и участие в войнах часто хорошо сочетались!

Сегодня мне всё еще очень трудно описать атмосферу, которая царила в то время, потому что, как я уже упоминал, наши союзники убивали французов, бомбя немцев. В связи с этим у меня есть очень четкое воспоминание о том смятении, которое я испытал, когда увидел в витрине торговца игрушками на улице Минаж новых оловянных солдатиков. Я проходил четыре раза в день мимо этого магазина: по дороге в Младший лицей, где я учился, и обратно. Однажды, к моему большому удивлению, я увидел в витрине выставленных немецких (оловянных) солдат. В частности, там были мотоциклы с колясками, оснащенные пулеметами, копирующие именно те, которые проезжали перед

j'avais vu passer devant chez moi le 23 juin 1940. Certes depuis cette date j'avais vu bien d'autres motos allemandes mais les motards qui précédaient le panzer lors de leur rentrée dans La Rochelle étaient gravés dans mon esprit. Je me disais que ce ne serait pas trahir que me faire acheter une moto et quelques soldats allemands qui deviendraient les vrais ennemis contre lesquels se battrait mon armée de soldats de plomb français. Trois personnes seulement pouvaient me les acheter, ma mère et mes grands parents maternels. Je sentais que ma mère ne céderait pas à ma demande, ou avec une grande difficulté, voire avec de la peine, quant à mon grand-père, je ne pouvais vraiment pas lui demander de m'acheter des « soldats fridolins ». Quand il ne désignait pas les Allemands par le mot « boches », il usait, comme beaucoup de Rochelais, des termes « fritz », « frisés » ou « fridolins ». Il ne me restait donc que ma grand-mère à convaincre, et ça me semblait possible. Cher lecteur, sache que je n'ai jamais été collaborateur, même à 7 ans, mais cette anecdote te fera comprendre à quel point les choses pouvaient être complexes, compliquées, ambiguës pour un gosse dans un monde où l'ennemi avec sa Flak, la défense antiaérienne allemande, tentait de nous protéger des bombes de nos alliés les Anglais. C'était en quelque sorte le prolongement du drame de Mers el-Kébir. Comme prévu ma Grand-mère céda et je ne suis pas sûr qu'elle se soit rendu compte qu'elle m'avait acheté des soldats ennemis... !

моим домом 23 июня 1940 г. Конечно, начиная с этой даты я видел много других немецких мотоциклов, но те, которые возглавляли колонну танков при занятии Ла-Рошели, запечатлелись в моем сознании. Я смотрел на оловянных мотоциклистов и повторял в уме, что это не будет предательством, если мне купят несколько игрушечных мотоциклистов и немецких солдат, которые станут настоящими врагами, против которых будет сражаться моя армия французских игрушечных солдат. Только три человека могли купить их для меня: моя мать и мои бабушка с дедушкой по материнской линии. Я чувствовал, что моя мать ни за что не выполнит мою просьбу; что касается моего деда, я и не мог осмелиться попросить его купить мне «солдат фридолинов». Когда он не называл немцев словом «боши», он использовал, как и многие жители Ла-Рошели, термины «фрицы», «завитые» или «фридолины». Так что оставалась только моя бабушка, которую я мог убедить купить мне этих игрушечных солдат. Уважаемый читатель, знайте, что я никогда не был «коллорационистом», никогда не сочувствовал тем, кто сотрудничал с немцами, даже в семь лет, но эта история поможет Вам понять, как всё было сложно, неоднозначно для ребенка в мире, где враг с его Flak (немецкая установка ПВО) пытался защитить нас от бомб наших британских союзников. Как и ожидалось, моя бабушка сдалась, вряд ли понимая все тонкости моих мук, и купила мне игрушечных солдат противника!..

Heureusement, quand mon grand-père me commentait en les simplifiant les informations qu'il écoutait sur *Radio Londres*, il m'expliquait que les anglais bombardaient aussi les villes allemandes, ce qui me permit peut-être d'y voir un peu plus clair.

C'est aussi au cours de cette année qu'un matin Paulette, notre bonne, ne vint pas à la maison. On me dit simplement qu'elle était malade mais qu'elle allait revenir. Je l'aimais beaucoup. Mon frère aussi s'était attaché à elle, même si un jour où il fit une colère, comme la partie charnue de l'anatomie de la jeune femme s'était trouvée à la hauteur de sa bouche, il avait mordu fortement cette chair féminine. Cette morsure avait laissé une marque que Paulette montra sans pudeur à ma mère. Gilles avait été grondé pour avoir commis cet acte de carnivore, mais elle en avait ri, même si elle lui fit les gros yeux. Paulette ne revint jamais car elle avait été frappée par ce qu'on appelait alors la « phtisie galopante », c'est-à-dire une forme foudroyante de tuberculose. On nous avait caché qu'elle était morte à l'hôpital, et je ne fis pas le lien qu'il y avait entre la disparition de Paulette de notre vie et les nombreux examens médicaux auxquels nous fûmes soumis après par deux médecins. J'ai su plus tard à quel point ma mère avait eu peur que nous ayons été contaminés. Il n'en fut rien.

Mais le grand événement de cette année 1941 fut pour nous la libération de mon père de son camp de prisonnier

К счастью, мой дедушка смог распутать сложный узел несуразниц в моей голове. Он простыми словами прокомментировал для меня информацию, которую он услышал по «Радио Лондона»: он объяснил мне, что англичане также бомбят немецкие города. Его слова многое прояснили мне.

Также в этом году однажды утром наша бонна Полетт не пришла домой. Мне сказали, что она больна, но она вернется. Я ее очень сильно любил. Мой 4-летний брат тоже был привязан к ней. Однажды, когда он разозлился, он ее укусил за ближайшую к нему часть ее тела. Этот укус оставил след, который Полетт бесстыдно показала моей маме. Жилия ругали за то, что он вел себя как плотоядное животное, но она смеялась над этим. Полетт так и не вернулась, потому что заразилась так называемой «скоротечной формой туберкулеза». От нас скрыли, что она умерла в больнице, и я тогда не установил связи между исчезновением Полетт из нашей жизни и появлением двух врачей, которые подвергали нас многочисленным медицинским осмотрам. Позже я узнал, что моя мама была сильно напугана и боялась, как бы мы не заразились. Этого не случилось.

Но самым значимым событием для нас стало освобождение моего отца из концлагеря 2 октября 1941 г.

le 2 octobre. A quelle date précise est-il arrivé à La Rochelle ? Je ne m'en souviens pas. Comment est-il entré à la maison ? Comment était-il habillé ? Comment nous a-t-il pris dans ses bras et embrassés ? Je n'en sais plus rien. Quant à mon frère (né en avril 1938) il réagissait comme devant un étranger et dans les semaines qui suivirent il parlait du « Papa de Pierrot »... ! En fait ce n'est pas son stalag que mon père avait quitté, mais l'hôpital, le Lazarett für Kriegsgefangene Ebelsbach am Main, où il avait été soigné du 25 mars au 22 septembre 1941 pour « lourde fracture du radius et malaria avec rechutes ». Je pense que c'est ainsi qu'il faut traduire l'annotation manuscrite de son « *Ürztliche Bescheinigung : Radiusbruch schwere — Malaria mit Röchfällen* ». Plusieurs années plus tard il m'expliquera qu'il s'était volontairement blessé après qu'un soldat allemand faisant partie de l'encadrement de son stalag et qui avait un parent en occupation à La Rochelle, lui eût dit « Herr Marilao, La Rochelle alles kaputt ». Bien sûr l'Allemand en question ne dissociait pas la vieille ville de La Rochelle de l'agglomération du port commercial de La Pallice qui elle, était déjà presque entièrement détruite par les bombardements de la Royal Air Force. Or cette confusion mon père ne pouvait pas la deviner et, n'ayant aucune nouvelle de sa famille depuis longtemps, il ne vit d'autre moyen d'être rapatrié que de se blesser volontairement. Ce qu'il n'avait pas prévu

Я не помню, когда он конкретно прибыл в Ла-Рошель. Я не помню, как он попал в дом, как он был одет. Я не помню, как он взял нас на руки и как я поцеловал его. Что касается моего брата (родившегося в апреле 1938 г.), он принял отца за незнакомца и в последующие недели говорил «папа Пьеро»!.. Фактически отца выпустили не из концлагеря, а из больницы для военнопленных в местечке Эбельсбах-на-Майне, где он лечился с 25 марта по 22 сентября 1941 г. от «тяжелого перелома лучевой кости предплечья и малярии с рецидивами». Я думаю, что именно так можно перевести рукописную справку, которую ему выдали: «*Ürztliche Bescheinigung: Radiusbruch schwere — Malaria mit Röchfällen*». Несколько лет спустя он объяснит мне, что сам себе сломал руку после того, как служивший в управлении концлагеря немецкий солдат, у которого родственник служил в оккупационных войсках в Ла-Рошели, сказал ему: «Herr Marilao, La Rochelle alles kaputt»¹. Конечно, этот немец не знал, что старый город Ла-Рошель Королевские ВВС не бомбили, а почти разрушили торговый порт Ла-Паллис. Мой отец об этом не догадывался, т. к. долгое время не имел никаких известий о своей семье. Он не видел другого способа репатриации, кроме как самому нанести себе увечье. Он не мог предвидеть, однако, что у него будут приступы малярии, болезни, которую он подхватил

¹ «Герр Марийо, Ла-Рошель разрушена». — Нем.

c'est qu'il ferait des crises de paludisme (malaria), maladie qu'il avait contracté en Afrique quand il s'était engagé en 1926, à l'âge de 18 ans dans les Tirailleurs Algériens, car il avait rêvé tout jeune de vivre des aventures en Afrique, au grand dam de mon grand-père paternel qui tenait à lui confier la librairie et l'imprimerie. Les crises de malaria prolongèrent son séjour au Lazarett et peut-être jouèrent-elles un rôle favorable à son rapatriement. En effet, il n'est pas dit que sa blessure une fois guérie lui aurait valu d'être rapatrié. Il aurait pu être renvoyé dans son stalag, même si les Allemands ne gardaient pas les hommes incapables de travailler...

Bien sûr ce fut une grande joie de retrouver mon père en octobre 1941 et je me mis à expliquer à mon frère qui avait alors 3 ans et 6 mois que « le papa de Pierrot », comme il disait, était aussi son papa. Je ne suis pas sûr de l'avoir convaincu tout de suite, mais petit à petit, en voyant comment mon père vivait avec nous et avait repris les commandes de la librairie et de l'imprimerie familiales, il se persuada de la réalité de ce lien parental et se mit à dire « Papa ».

Mon père parlant allemand, la gestion du commerce devint plus facile, même s'il n'était pas question pour lui de connivence avec l'ennemi. J'ai su bien plus tard qu'il avait eu très tôt des contacts avec un réseau de renseignements de Résistants qui s'était créé dans l'entreprise des Chantiers navals *Delmas Vieljeux* qui étaient depuis longtemps un des plus gros clients de notre imprimerie, mais il lui fallut cacher son jeu, ce qu'il réussit

в Африке, когда в 1926 г. в возрасте 18 лет записался добровольцем в Алжирские стрелки, потому что с детства грезил о приключениях в Африке, к огорчению моего деда по отцовской линии, который хотел доверить ему книжный магазин и типографию. Приступы малярии продлили его пребывание в лазарете и, возможно, поспособствовали его репатриации. Если бы у него только была сломана рука, то его после срастания кости могли отправить обратно в концлагерь... Человек, больной малярией, работать не мог.

Конечно, то, что отец вернулся в октябре 1941 г., было большой радостью, и я начал объяснять моему брату, которому тогда было три года и шесть месяцев, что «папа Пьеро», по его словам, также был его настоящим папой. Я не уверен, что сразу убедил его, но Жиль, видя, что наш отец живет с нами и ведет дела семейного книжного магазина и типографии, постепенно привык к отцу и стал называть его «папа».

Отец говорил по-немецки, поэтому управление делами стало легче, при этом речи не шло о сотрудничестве с врагом. Я узнал намного позже, что у него были очень ранние контакты с сетью движения Сопротивления, которая была создана на верфи компании *Delmas Vieljeux*, что долгое время была одним из крупнейших клиентов нашей типографии. Ему приходилось скрывать свои контакты, и он в этом настолько

fort bien puisque même ma mère ne se rendit compte de rien. Son retour se traduisit par de multiples petits changements dans notre vie quotidienne. Ma grand-mère paternelle, veuve désormais, dont j'ai déjà très vaguement parlé et qui habitait la rue dite *Des Murailles*, dans un quartier calme, sans aucun commerce, fit de nouvelles apparitions à la librairie qu'elle avait dirigée avec mon grand-père paternel pendant de nombreuses années. Le retour d'Allemagne de son fils l'incita à venir plus souvent. Il y avait une règle qui s'imposait bien que personne ne l'ait jamais formulée ni édictée : on ne l'appelait pas Grand-mère, ni Mamie, mais Maman Jeanne, et quand on lui écrivait il fallait écrire Jeanne à l'anglaise, c'est-à-dire Jeane. C'était quelques-uns des restes de sa famille béarnaise ruinée où l'on s'adressait à certains domestiques en anglais. Quitter Pau pour La Rochelle n'avait pas dû trop la gêner car ces deux villes sont très marquées par le protestantisme et les Anglais. Ces choses étant dites elle était très indifférente aux religions, mais adorait son Béarn natal, et elle, qui parlait un français très châtié, très raffiné, et se montrait très exigeante sur ce plan avec ses petits enfants, parlait avec beaucoup de finesse l'occitan béarnais et en connaissait de nombreux chants qu'elle savait magnifiquement interpréter. Il y avait deux pianos dans son salon, elle en jouait et avait exigé que nos trois tantes apprennent à en jouer. Seul mon père avait résisté en affirmant qu'il préférait le violon. Maman Jeane nous emmena promener quelques fois et ce qui m'étonnait c'est qu'on aurait dit que pour elle les

преуспел, что даже моя мама ни о чем не догадывалась. Его возвращение привело к множеству небольших изменений в нашей повседневной жизни. Моя бабушка по отцовской линии, к тому времени уже вдова, о которой я упоминал ранее, представляя свою семью, и которая жила на улице, известной как «Стены» (*Des Murailles*), в тихом районе, где никто не торговал, появилась в нашем книжном магазине, которым она когда-то управляла. Возвращение ее сына из Германии заставило ее приходить к нам чаще. Существовало негласное правило, по которому мы должны были называть ее не «бабушкой» или «мами»¹, а «маман Жанна», и когда кому-нибудь надо было написать ей, то обращаться надо было на английский манер — Jeane. Это правило осталось от фамильных аристократических устоев когда-то многочисленной семьи из Беарна, где к некоторым слугам обращались по-английски. Отъезд из По в Ла-Рошель, должно быть, не очень сильно беспокоил ее, потому что эти два города были протестантскими и в обоих ощущалось влияние англичан. Она, в принципе, была весьма безразлична к религиозным течениям, но обожала свой родной город Беарн; она говорила по-французски очень отчетливо и очень утонченно и того же требовала от внуков, говорила бегло на том варианте окситанского наречия, который популярен в Беарне, и знала много народных песен. В ее гостиной стояло два пианино, она играла на них и требовала от своих детей, чтобы они научились играть

¹ Обращение внуков к бабушке, принятое во Франции. — Н. Б.

Allemands n'existaient pas. Elle les ignorait complètement et n'en parlait que très rarement. Dois-je préciser que tout le monde la vouvoyait et qu'elle vouvoyait tout le monde à l'exception de ses petits enfants qu'elle tutoyait, mais sans familiarité. Et pourtant il n'y avait pas de froideur chez elle, car elle était très émotive, très sensible, et il y eut beaucoup de complicité entre elle et moi. J'ai été adoré par mes deux grand-mères et je le leur ai bien rendu.

Autre événement lié au retour de mon père : l'achat d'une voiture. Craignant qu'elle soit réquisitionnée comme la 11 chevaux *Citroën* traction avant, il acheta une *Peugeot* d'occasion, une 301 de couleur bordeaux qui avait vaguement la forme d'un hanetton quand il a ses élytres repliées. Je ne la trouvais pas jolie mais elle allait cependant améliorer notre vie car mon père, l'utilisant pour faire des livraisons d'imprimés à des clients (il avait les autorisations nécessaires de la Feldkommandanture) en profitait pour acheter en cachette de la nourriture à des fermiers des environs de la ville. Désormais, nous mangeâmes mieux !

La fréquence des alertes aériennes ayant augmenté, il réaménagea la première cave, celle qui servait d'abri public. Il écoutait avec une grande attention, comme mon grand-père, les informations, celles de Vichy et celles de Londres. De tout ce qui se disait entre mon père, mon grand-père et le contremaître de l'imprimerie, je ne retenais qu'une chose : à la suite d'une

тоже. Наши три тети подчинились, и только мой отец сопротивлялся: сказал, что предпочитает скрипку. Маман Жанна несколько раз брала нас на прогулку, и меня удивляло то, что для нее немцев как бы не существовало. Она полностью их игнорировала и редко говорила о них. Она не допускала фамильярности ни со стороны других людей, ни со стороны своих внуков. И всё же в ней не было холода, потому что она была очень эмоциональной, очень чувствительной, и мы понимали друг друга. Меня обожали обе мои бабушки, и я их тоже обожал.

Другим событием, связанным с возвращением моего отца, была покупка автомобиля. Опасаясь, что он будет реквизирован, как и «Ситроен», он купил подержанный «Пежо», 301-ю модель бордового цвета, который по форме напоминал майского жука со сложенными крыльями. Мне автомобиль не казался красивым, но тем не менее его покупка улучшила нашу жизнь, потому что мой отец, используя его для доставки печатной продукции клиентам (у него были необходимые разрешения Фельдкомендатуры), также тайно ездил покупать продукты за городом у фермеров. Теперь мы ели лучше!

Поскольку частота воздушных тревог увеличилась, отец отремонтировал наш подвал, который служил в качестве общественного убежища. Как и мой дедушка, он с большим вниманием слушал новости Виши и Лондона. Из всего, что было сказано в разговоре между моим отцом, дедом и мастером печатного станка, я помню только одно:

attaque japonaise les Américains entrèrent dans la guerre aux côtés des Anglais.

A Noël ma mère ne fit pas de sapin, mais avec mon frère nous mîmes nos chaussures devant la cheminée de la salle à manger puisque c'était par cette grande cheminée que le Père Noël passait pour nous distribuer des cadeaux. Il passa en effet et le lendemain je trouvais un jeu de construction et un bateau à moteur de la marque *JEP 2* qui n'aurait pas besoin du vent pour traverser le bassin de la piscine. Mais je lui ai toujours préféré mon voilier. Sur le buffet de la salle à manger j'avais fabriqué avec du papier-crêpe un paysage où figurait l'étable dans laquelle était installé le berceau de Jésus et tous les personnages de la nativité. Cette année là on ne me demanda pas de jouer le rôle de Saint Joseph que j'avais refusé de jouer l'année précédente à l'église Saint-Sauveur, et mon frère ne fut pas sollicité pour jouer celui de Jésus, peut-être simplement parce qu'il avait trop grandi... !

Avant le premier de l'an ma mère traça des lignes sur une feuille de papier à lettre pour que je présente mes vœux à mon Parrain, le béarnais, cousin germain de mon père, avec qui j'avais regardé le grand prix automobile de Pau au printemps de 1939, grand prix dont j'ai déjà parlé.

Il y eut en pleine guerre un retour sur des moments d'avant guerre quand mon père repassa les films qu'il avait pris de nous dans les Pyrénées et en divers autres endroits avec sa caméra

après le нападения японцев американцы вступили в войну вместе с англичанами.

На Рождество моя мама в тот год не наряжала елку, но мы с братом поставили башмаки перед камином в столовой, поскольку именно через этот большой камин Санта-Клаус приходил, чтобы положить нам подарки. Так и случилось, и на следующий день я нашел конструктор и моторную лодку марки *JEP 2*, которой не понадобился бы ветер, чтобы пересечь бассейн. Но всё-таки я больше любил свой парусник. На буфете в столовой я соорудил из бумаги для поделок рождественский вертеп с яслями для младенца Иисуса. В тот год меня не просили сыграть роль святого Иосифа, которую я отказался играть в прошлом году в церкви Сен-Совёр, а моего брата не просили сыграть роль младенца Иисуса, возможно, просто потому, что он вырос...

Перед Новым годом мама нарисовала линии на листе бумаги для писем, чтобы я передал свои пожелания моему крестному отцу, жителю Беарна, двоюродному брату отца, с которым весной 1939 г. я наблюдал в По за автомобильной гонкой Гран-при, о которой я уже упоминал.

В разгар войны, когда мой отец показывал нам снятые им с помощью своей 9,5-миллиметровой камеры фильмы о нашем пребывании в Пиренеях и в других местах, мы

9,5 mm. Il lui arriva aussi de me passer des films de Félix le chat et de Mickey Mouse.

Bien des choses que je viens d'écrire n'ont pas un grand rapport avec la guerre, qui pourtant continuait de plus belle, mais grâce au retour de mon père, une certaine douceur de la vie quotidienne était revenue, au point que, sans oublier la guerre on finissait par s'y habituer. Au Petit lycée je n'avais plus besoin de faire des dessins pour que le Maréchal Pétain fasse revenir mon père, mais j'ai été obligé de continuer à chanter tous les jours « Maréchal nous voilà » sous la direction de l'institutrice, et les Allemands continuèrent à défiler tous les matins devant notre maison en chantant « Heili heilo »... !

постоянно возвращались к счастливым моментам нашей довоенной жизни. Также он показал мне мультфильмы о коте Феликсе и Микки Маусе.

Многие события, о которых я только что написал, имеют мало общего с войной, которая тем не менее продолжалась, но благодаря возвращению моего отца вернулась определенная радость повседневной жизни. В Младшем лицее мне больше не нужно было рисовать картинки для маршала Петена, чтобы вернуть моего отца, но я был вынужден каждый день под взмахи руками учительницы продолжать петь «Маршал, вот и мы», и немцы также продолжали маршировать каждое утро перед нашим домом, распевая «Heili heilo»!..